

С. В. БОЛДЫРЕВ



*Фотоснимок с бюста  
казачьего художника  
С. К. Медведева*

## А Т А М А Н К. А. Б У Л А В И Н

К 250-тилетию начала его борьбы за Волю и Долю Казачью

1707 — 1957 г. г.

Издание Казачьего Американского Народного Союза  
Нью Йорк, 1957 г.

С. В. БОЛДЫРЕВ.

АТАМАН К. А. БУЛАВИН

К 250-летию начала его борьбы за Волгу и Дону Казачью

1707 - 1957 г. г.

Издание Казачьего Американского Народного Союза

Нью Йорк, 1957 г.



## ОТ АВТОРА.

Выпуская брошюру-"Атаман Булавин", я хочу предварительно сказать несколько слов читателю.

В наших эмигрантских условиях, за отсутствием войсковых архивов, даже такую небольшую книжечку об атамане Булавине составить было не так легко.

К сожалению, как сами донцы, так и казаки других войск, до революции, воспитывались по учебникам русской истории, в которых об атамане Булавине писалось исключительно только, как о "бунтовщике"; а его восстание в 1707 году рассматривалось, как "Бунт Булавина". По этим причинам казаки не интересовались ни личностью К.А.Булавина, ни той ролью, которую он сыграл в истории Дона, а посему и не составили о нем отдельной книги, а ограничились лишь небольшими статьями и заметками, и то в духе правительственной цензуры.

В эмиграции уже стали появляться обективные статьи о нем, в особенности на страницах казачьей национальной печати. Но в них, из за отсутствия казачьих архивов, приходилось встречать некоторые исторические неувязки и расхождения, как в исторических датах, названии разрушенных Долгоруковым городков на Дону, о численности войск атамана Булавина, о числе казаков ушедших с атаманом Некрасовым на Кубань и т.д.

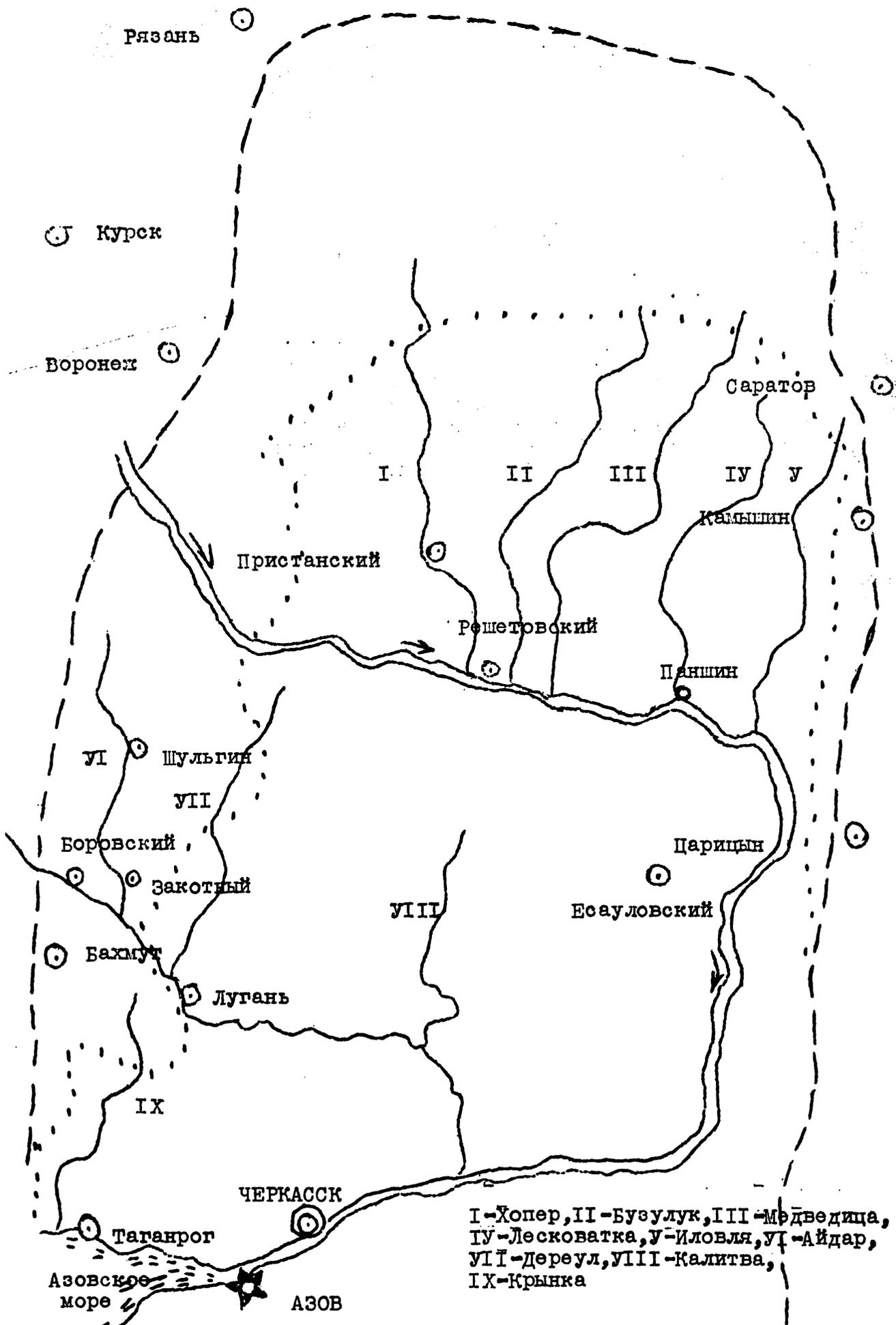
Более документальными историческими данными можно считать статьи: проф.С.Г.Сватикова в "России и Дон" и ген.С.Т.Старикова в журнале "Вольное Казачество", ибо оба автора имели дело с Донским архивом, почему эти статьи я и взял в основу своего изложения.

В эмиграции мне также не приходилось встречать отдельного выпуска об атамане Булавине, если не считать исторического романа "Дикое поле", изданного в Советской России писателем Петровым-Бирюком. Подлинной истории в этом труде я не нашел, так как автор писал в духе советской цензуры, но некоторые картины старинного казачьего быта написаны им правдиво, почему я и воспользовался ими частично.

В долгие годы эмиграции я занимался сборианием материалов по казачьей истории, и все, что читал об атамане Булавине, я вносил постепенно в отдельную тетрадь, собрав таким образом достаточный материал.

Выпуская эту брошюру, я отнюдь не претендую на роль историка, а хочу только поделиться с читателями собранным мною материалом, и тем самым хотя бы в таком скромном выпуске отметить знаменательную дату 250-летия начала борьбы атамана Булавина за Волю и Долг Казачью.

С.Болдырев.



Рязань

Курск

Воронеж

Саратов

I

II

III

IV

V

Пристанский

Решетовский

Панинин

Камышин

VI

Шульгин

VII

Боровский

Закотный

Царицын

VIII

Есауловский

Бахмут

Лугань

IX

ЧЕРКАССК

Таганрог

Азовское море

АЗОВ

I - Хопер, II - Бузулук, III - Медведица,  
 IV - Лесковатка, V - Иловля, VI - Айдар,  
 VII - Дереул, VIII - Калитва,  
 IX - Крынка

--- Граница Дона до Булавина  
 ..... Граница Дона после Булавина

## ДОН И МОСКВА ДО БУЛАВИНА.

Казачи до реформ Петра I-го жили на Дону своим особым, отдельным казачьим миром, совершенно не похожим на жизнь Московского царства, даже несмотря на первое "крестное целование", т.е. первую свою присягу царю в 1671 г.

"Присяга эта не коснулась распорядка Донской республики, прав народного собрания ее граждан. Цель ее была обезопасить Москву: А/от самозванцев, ибо и Разин имел при себе "царевича Алексия", В/от попыток свержения династии и замены ее другой, С/от организации на Донской территории предприятий подобных Разиновскому". /I/

Поэтому, после присяги, никаких перемен во внутренней жизни казаков не произошло, порядков жизни на Дону она не коснулась и доныне на своем "Донском Присуде"-территории продолжали жить по старинному, на основе своих древних "обыкновений"/обычаев/, согласно Войсковому праву, своим республиканско-демократическим бытом: -"Донское казачество представляло из себя в XVI-XVII веках военно-демократическую республику и эта республика была отдельным от Московского царства-государством. Оно имело свою территорию, свой народ и свою власть." /2/

Жизнь на Дону в ту эпоху слишком разнилась от жизни на Москве. Это было два противоположных полюса. На Казачьей Земле не было тогда ни родовитых бояр, ни богатых купцов, ни холопов-рабов. Казаки все были равны между собой, как вольнолюбивое, общее братство. Управлялась Донская земля-"Донской присуд" по всем законам древнего народоправства, она имела своеобразный парламент-Войсковой Круг, который устанавливал законы, выбирал Донского Атамана и др. должностных лиц на определенный срок из своей же среды казачьей. Войсковой Круг осуществлял в современном понятии, все политические свободы, включая "неприкосновенность политического убежища" на своей земле, по казачьему, простому определению - "С Дона выдачи нет."

Был у казаков и свой суд-скорый и равный для всех граждан-казаков, без всяких пыток, правеха, застенков и пр., чем особенно отличался тогда московский суд. В каждом городке был выборный суд, виновного осуждали тут же, и в случае уголовного преступления ему рубили голову саблей. В ту эпоху на Дону все должностные лица даже духовенство были выборные, и во всем подчинялись Войсковому Кругу. Казаки создавая свои законы и порядки, гордились своим бытом, о чем говорят старинные пословицы: -"Все земли нашему, казачьему житью-бытью завидуют", или -"Казаки не сеют, не жнут, ни прядут, да хорошо живут."

Совершенно другие пословицы тогда ходили среди московского подневольного, рабского люда: -"На Москве горя людского, что песку морского", или "На Москве много церквей, да богов, а правды нет", или "Москва как доска, спать широка, а везде гнетет" и др. ярко характеризующие быт, порядки и законы на Москве.

В особенности тяжелая, ужасная была жизнь многомиллионного московского крестьянства после "Уложения" 1648 г., по которому они были окончательно закреплены за помещиками на положении безправных рабов, но даже больше того: на положении домашней рабочей скотинки. А после церковного Раскола в 1671 г. к тому же началось жестокое преследование приверженцев старой веры и тем, кто продолжал держаться старых церковных обрядов, кто молился

"двуперстием" или совершал молитвы по древне-славянским церковным книгам, тем рубили пальцы, резали носы, языки и даже сжигали на кострах, как "еретиков".

Вся жизнь на Москве была построена на деспотизме власть имущих, на праве сильного, отсюда и поговорка - "С сильным не борись, а с богатым не судись". А суд на Москве был жестокий, не равный для всех и не скорый, годами тянулось "сутяжничество". Суд этот справедливо почитался не правосудием, а "кривосудием" и при воспоминании о нем волосы встают дыбом. "/3/

О положении крепостных крестьян-рабов на Москве, дает картину российской истории академик Шмурло: "Крепостных людей меняли на породистых собак, проигрывали в карты, продавали на ярмарках. Бывало, что на вывоз продавались иногда целые деревни." "/4/

Общую картину порядков и жизни Московского царства рисует российский историк Кизиветер: "Московское царство это было государство сверху до низу закрепощенное и не даром все там, от последнего бобыля и до первого боярина, именовались "холопами" великого Государя Московского" "/5/

"Кнут, батоги, как средство-извлечение из населения службы и повинностей - так и свижут на каждом шагу, в этом "идиллическом" царстве Московском. Правеж, битые батогами, кнут, ссылка в рабство - это "административные" приемы на каждом шагу" "/6/

Подобную неприглядную, больше того, жуткую картину московского быта рисует неоднократно и знаменитый историк Ключевский, особенно в статье "Мысли Крижанича" "/7/. О жизни Москвы как "темного царства" пишут и др. российские историки; читали мы все эти ужасы и у российских писателей в их исторических романах.

Жуткую картину можно было наблюдать тогда и на верхе московской церкви во главе с кошунственным "Синодом" Петра I-го.

Не взлюбил народ царя за то, что он кошунствовал снимая колокола с церквей, и еще больше за то, что он богохульствовал в выдуманном им самим "сумасброднейшем, всешутейшем и всепьянейшем соборе", в котором, как пишет Ключевский, сам царь Петр состоял "в сане протодиакона" "/8/ и далее сообщает, что в этом соборе "ящик для водки наминал форму Св. Евангелия" "/9/. Устав для собора писал сам царь, введены были им и особые обряды. "Сам царь ходил Христа славить" и разгулу и пьянству не было конца" пишет В. Всеволожский "/10/. Были и др. обряды в том числе "женитьба патриарха", на котором сам царь поил новобрачных из сосудов имевших вид больших половых органов. Сценарий и текст обрядов во всех подробностях составлял сам Петр I" "/11/.

Историк Буданов пишет, что в "всешутейшем соборе" благословляли "знаменитым джирием, выточенным самим Петром I, чем он еще более углубил неуважение к религии и церкви" "/12/. Да и как же иначе если и этот "джирий" был сделан царем в виде половых органов мужских. И. Солоневич трижды в своей книге упоминает, что на этом "соборе всесвятейшем" был сделан парнографический, в непристойной имитации "крест сложенный из непотребных подобий" /как джирий и сосуды для кошунственных целований/ "/13/.

---

I/С.Г. Сватиков "Россия и Дон", стр. 108, 2/там же стр. 16, 3/С.Г. Пушкин-Карев "Обзор Русс. истории" стр. 406, 4/Шмурло "История России" стр. 381, 5/А. Кизиветер "Историч. события" стр. 271, 6/там же стр. 296, 7/В. Ключевский "Курс русс. истории" ч. 3, стр. 269-273, 8/там же, ч. 4, стр. 46, 9/там же, стр. 53, 10/В. Всеволожский "Ист. Русск. театра" стр. 366, 11/там же, стр. 368, 12/И. Буданов "Дон и Москва", стр. 126, 13/И. Солоневич "Петр Первый", стр. 2, 50 и 51.

За все эти кощунства над религией и церковью, богобоязливый ~~жид~~ прозвал царя: "антихристом", "богохульником" и "безбожником", что мы читаем у историков: Ключевского, Милюкова, Трачевского, Буданова и др., а также у писателей: Мережковского "Антихрист и царевич Алексей", А. Толстова "Петр I", И. Солоневича "Петр Первый", у Мордовцева и др. И великий писатель России Л. Н. Толстой в своем "Царство Божие внутри нас" /стр. 90/ дал надлежащий отзыв о Петре I-ом.

И если эти ужасные вести на Москве из уст в уста ползли с осторожностью, чтобы никто не услышал, ибо московский народ еще помнил страшное "Слово и дело Государево", то на вольном Дону открыто, без оглядки назад, ширилась эта весть от городка в городок по всему Донскому Полу-степи. Особенно тревожило религиозное казачество кощунство царя и его приближенных. Казаками вспоминается предсказание вождя донских староверов Кирия Чюрносова, который пророчествовал, что "От севера от Москвы изыдет лукавство".

В Москве в те годы появилась легенда, что "Царь Иван Алексеевич жив. И живет в Иерусалиме. Царь Петр полюбил только бояр, а царь Иван чернь любит/х/.

Перекинулась эта легенда с бежавшими на Дон из Москвы старообрядцами и особенно укрепилась среди "голутвенного" казачества на севере Дона и еще меньше стали казаки слушать приказов царя. Но царь желая прибрать в свои "ежовые рукавицы" непокорный Дон, вводил новую "старшину", поощрял ее разными наградами и подарками, чем еще больше восстановил против себя рядовое казачество.

Донские казаки принимавшие участие в войнах Москвы, наблюдали сами эту жизнь, знали со слов "зимовых/посольских/станций, которые месяцами жили в Москве, знали и по рассказам бежавших старообрядцев. Безусловно знали донцы о порядках и быте на Москве и всячески отчуждались от нее подальше, говоря: "От Москвы хоть польи от режь да тикай"/1/, или "Живи казак на воле, пока Москва не узнала /2/.

Еще раньше, до Петра I, когда Москва неоднократно делала попытки "прибрать к рукам" донцов, т.е. подчинить их своему влиянию, на эти попытки Войсковой Круг всегда отвечал: "Донской казачий народ вольный и в неволю не служат"/3/. И никакие "грозные" грамоты царей и даже патриархов Московских об "отлучении от веры", не пугали казаков и они жили своими "обыкновениями" на своей Донской земле и никакой, тем паче московской, рабской жизни иметь не хотели, говоря: "Хоть спина гола, вато на воле живем", или "Руби меня сабля турецкая, но не бей плеть боярская", или "Сами в чужие земли в "гости" ходим, а чужих на свое Поле никого не пускаем"/4/.

"Дон действовал в своих интересах всегда и по своему усмотрению и вмешательства Москвы во внутренние дела Дона до Петра I никогда не замечалось"/5/. Дон, до Петра, как мы уже говорили в начале этой главы, жил своим особым, отдельным от Москвы казачьим миром, на положении инородцев; или, как характерно определил дьяк Посольского приказа в 1667 г. Катошихин "чужеземцев", писал: "А как они, Донские казаки к Москве приедут и им честь бывает такова, как чужеземским, нарочитым людям"/6/.

До Петра I-го Дон с Москвой сносился через Посольский приказ /по современному-Министерство Иностранных дел/, куда ежегодно

---

/х/С.М.Соловьев "Ист. России с древн. времен" т. 3, стр. 393-94, /1/ И.П. Буданов "Дон и Москва" ч. 2, стр. 30, /2/ Даль "Сбор. пословиц русс. наречия" ч. 2, стр. 263, /3/ "Каз. послов. и поговорки" изд. 1949 г. /4/ Буданов "Дон и Москва" ч. 2, стр. 58, /5/ Там же, стр. 58, /6/ Катошихин "Сочинение гл. IX, стр. 198-99.

приезжала "Зимовая/посольская/станица и этих Донских послов", продолжает Сватиков "по традиции их принимали во Дворце цари трижды. По приезде, в день Благовещения и накануне отъезда"/1/. Об этом пишет и историк И.П.Буданов/2/.

"Зимовые станицы" оставались долго в Москве, иногда месяцами, получая верно, порох, свинец и пр. Царь делал богатые подарки Атаману, есаулу и казакам; задабривали их и бояре подарками и угощениями, по совету хитрого Катошикина "ласкай казаков пока надобно"/3/.

Но, как бы Москва не давила на казаков, Дон, как пишет И.Буданов умел противоборствовать всем этим начинаниям". Как одно из средств этого противоборства Московскому влиянию на Дону, существовал обычай: "Если Войсковой Атаман, в силу особой важности, сам отправлялся во главе Зимовой станицы в Москву, то он тогда переставал быть Войсковым Атаманом. По возвращении из Москвы, он никогда не избирался в качестве такового вновь, в ближайшее время. Это объясняется практически установленной традицией в борьбе против московского влияния и способом аннулирования обязательств, данных атаманом Зимовой станицы в Москве"/И.Ф.Быкадоров"Ист. казачества"ч. I, стр. 153/.

Больше того, когда казаки узнавали, что приехавшие на Дон из Москвы участники Зимовой станицы: атаман, есаул, толмач и казаки, получив богатые подарки хвалят Москву, то их в течении нескольких лет не выбирали на высокие должности в Войске. Обычай этот на Дону назывался "отмаскаливанием"/4/.

Одним из средств сохранения своего быта и порядков "обыкновения", служил отбор, т.е. казаки с большим разбором принимали в свою среду чужих, посторонних. "Чтобы стать полноправным гражданином Донской республики, нужно было быть принятым в казаки. Для этого требовалось заявление в Войсковой Круг и его согласия. Но далеко не все получали это. Нужно было пробыть на Дону 5-7 лет, зарекомендовать себя, предварительно быть в двух, трех походах и выявить себя честным, находчивым и храбрым воином/5/.

Во избежание постороннего влияния чужих-не казаков на дела Войскового Круга, на Круг не пускали посторонних. "И московские люди, наравне с чужеземцами, на Войсковой Круг казаками не допускались./6/. О недопущении на В.Круг московитов сообщает и историк Сватиков/стр. 36/. Не желая, чтобы духовенство имело свое давление на свободу религиозной жизни на Дону, то: "Духовенство на Дону было устранено от участия в Круге"/7/. "Вообще", сообщает Сватиков, "выборное духовенство и Церковь на Дону подчинялись В.Кругу, даже монахи в монастырях искали защиты у В.Круга".

Никто из чужих не мог поселиться на Донской земле без разрешения на то В.Круга. И французский посол при Русском Дворе Массон писал: "Казачья земля-общая собственность казачьей нации, никто чужой, даже русский не мог на ней селиться/8/.

Казачьи полки принимая участие в войнах Москвы, бывали на ее территории, но московская рать до Петра I на Дону никогда не стояла.

---

/1/Сватиков"Россия и Дон", стр. 114, /2/И.Буданов"Дон и Москва"ч. I, стр. 116-117, /3/"Донская старина"ч. 2, /4/Там же, /5/Сватиков"Россия и Дон", стр. 32, /6/И.Буданов"Дон и Москва"ч. I, стр. 53, /7/Сватиков"Россия и Дон", стр. 36, /8/Там же.

Такова была в общем особенная казачья жизнь на Дону до эпохи восстания Кондратия Булавина/1707 г./

Царь Петр I желая иметь выход в Азовское море, дважды пытался его взять, но безрезультатно. Полководец он, вообще, был не важный, к тому же не имел тогда ни хорошего войска, ни флота. Тогда он решил при помощи голландских мастеров, в верховьях Дона построить большой флот, для чего царь в принудительном порядке согнал огромные массы рабочих из соседних к Воронежу районов, туда же он на эти работы на верфи, собрал десятки тысяч украинских, слободских и донских казаков. "Петр I собрал на Воронежских верфях 74 тысячи казаков и, очевидно, употребил их, главным образом, на самой тяжелой, бурлячей работе. Отсюда в Воронежской губернии слово казачество, значит - бурлячить, т.е. работать, делать, как казаки"/1/. Но и из этой новой затеи "мореплавателя", как патетически окрестил Петра I-го Пушкин ничего не вышло. Корабли были построены столь громоздкими, что они не могли выйти из устья Дона в Азовское море, так и остались там на мели, пока не сгнили или не были растащены на дрова/2/.

Так, очередной неудачей в пустую, окончился бы и этот поход Петра, если бы он не вспомнил о донских казаках, которые веками, на своих малых лодках громили берега могущественной тогда Турции, Анатолии и Крыма. 26 мая 1696 года донские казаки на своих легких лодках во главе с опытным мореходом атаманом Кумшатским, одержали первую морскую победу царю над турецким флотом. Царь в Черкасках устроил грандиозный пир для победителей турок-казаков, но и этим не расположил к себе казаков. Казаки никогда не работали для других на принудительных работах, а на верфях воронежских их погибло масса, а главное, что все эти жертвы оказались в пустую.

Донской атаман Флор Минаев в своем курене в Черкасках устроил парадный обед царю и его свите, куда также были приглашены и казаки-герои ваятия Азова. Среди них был и молодой "сотный" казак /сотник/ Кондратий Булавин, который во главе своей сотни первый ворвался в Азов. Царь увидя Булавина сказал: "Знаю тебя. Я тогда не наградил тебя, какую теперь хочешь награду за это?" На это Булавин ответил: "Я бился с басурманами за честь и славу казачью!"

За обедом говорились речи. Старшина казачья произносила хвалебные слова царю, его свите. Когда очередь дошла до Булавина, он поднял свою чарку и кратко сказал:

"Здравствуй Тихий Дон-снизу доверху, сверху донизу."/3/

Царь строго посмотрел на Булавина, ничего не сказал, но решил, что с наградой строптивого Булавина надо повременить.

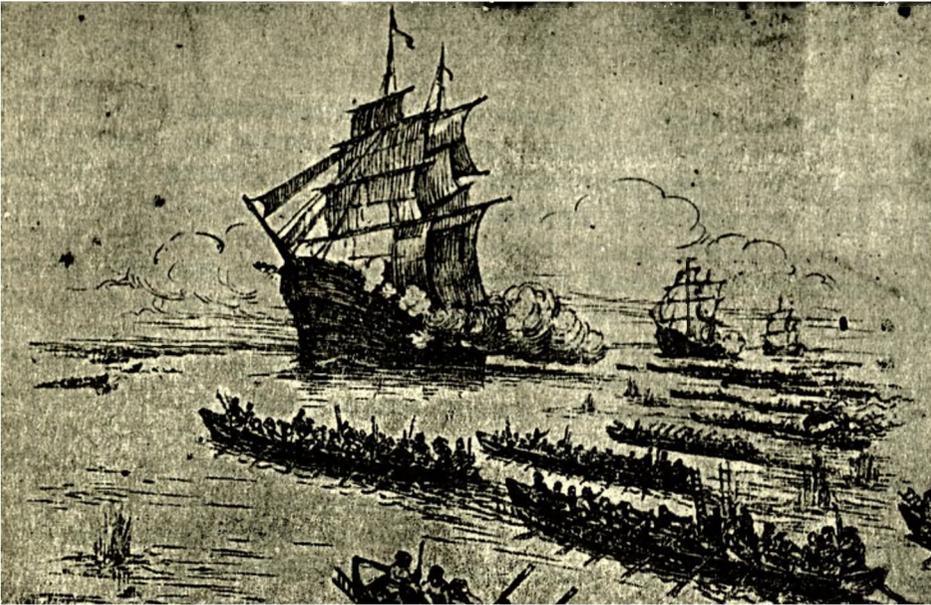
Уезжая из Черкаска, Петр I в "благодарность" казакам за их победу 26 мая, приказал уничтожить казачью флотилию, вместо того, чтобы и в будущем воспользоваться опытом казаков-мореходов в борьбе с могуществом турок на Черном море.

---

/1/ И.П.Буданов "Дон и Москва", часть 2, стр.12.

/2/ И.Солоневич "Петр Первый", стр.37.

/3/ "Казачий Исторический Календарь" 1953 г., стр.45



Казачья флотилия "лавою" окружает турецкие корабли.

Отобрав Азов у донцов, которые сто с лишним лет борлись за обладание своей древней столицей Азовгорода, Петр I посадил в Азове гарнизон из стрельцов под командой воеводы, чем и закрыл казакам выход в Черное море для добычи "зипунов", т.е. всего необходимого для жизни, а также оружия, одежды, утвари у турок и в

Крым. Этим еще больше возбудил против себя царь казаков и они открыто говорили между собой: "Нам от царя ничего доброго не ждать".

В этих трех походах на Азов, деспотический царь-самовластец, Петр I подолгу оставался среди казаков. Он подробно всматривался в их жизнь, быт, ознакомился с их вольнолюбивыми порядками, с их своеобразной, народной дисциплиной, с их республиканским укладом жизни, и все это ему сильно не нравилось. И решил он покончить с казачьими вольностями, а самих казаков прибрать в свои "ежовые рукавицы".

## МОСКОВСКИЕ "ЕЖОВЫЕ РУКАВИЦЫ" ПЕТРА I-го.

"Широкое государственное самоуправление ставило Донское Войско на положение свободной республики, независимой от Москвы. Казаки выбирали своих атаманов, судили своим судом, и если когда оказывали военную помощь, то исключительно по доброй воле, а не по принуждению." /1/

И действительно, еще с времен Куликовской битвы /1380 г./, в которой казаки "доброхотно" /добровольно/ приняли участие, так и позже, когда донцы также "доброхотно", по уговору, за определенное жалование: деньгами, хлебом, сукнами, свинцом, порохом и пр., принимали постоянное участие и в последующих до Петра I, войнах Московского царства. Об этом характерно было сказано в Войсковой отписке царю от 3 декабря 1637 года. "...А, если служили мы тебе, великий государь, то не за вотчины и поместья, а за веру нашу общую христианскую и токмо" /2/.

Совершенно иное, новое происходит теперь на Дону при Петре I-ом. Царь после двух неудачных походов под Азов, наконец, на третий раз и то исключительно при участии одних только донских казаков с атаманом Кумшацким взял Азов и с суши и с моря. Убедившись в высоких качествах донцов, как боевого элемента, Петр I, не имея еще регулярной конницы, а Дворянская конница, по определению историка И.Ф. Бикадорова - "была лишь просто породией на конницу", решил использовать казаков, как природную, степную конницу, в которой он так тогда нуждался.

Поэтому, по возвращению из заграничной поездки в Европу, он переводит казаков, которые до того, как "чужеземцы" состояли в ведении Посольского приказа, в распоряжении Военной коллегии /тогда Военное министерство/, как "казацкий служимый народ", поставив этим казаков в положение принудительного и обязательного отбывания воинской повинности наравне с рекрутами Московского государства. Но разница была в том, что рекрутские полки отбывали службу на казенный счет, а казаки, да еще, как конница должны были служить на полном своем иждивении. Произошла и другая несправедливость в отношении казаков.

Историк Пушкарев пишет: "Рекрутский набор при Петре I был по одному рекруту на 20 дворов. Благодаря такому набору численность регулярной армии доходила почти до 200 тысяч, в том числе иррегулярные войска, главным образом, казаки составляли около 100 тысяч" /3/ Московский люд, не зная до того рекрутских наборов, возненавидел его. Историк проф. Шмурло сообщает: "Можно считать, что 10-я часть набранных Петром войск была в бегах". /Ист. России" стр. 280/ Тоже сообщают и историки Посошков и Буданов.

Конечно, это была явная несправедливость в отношении казаков. Если огромное, огромное, с многомиллионным населением, Московское государство рекрутским набором поставляло тогда около 100 тысяч, то не считая малочисленность башкирских и бурятских полков, остальной процент иррегулярных войск падал на казаков, и преимущественно на самое большое Донское Войско. Сколько их было тогда неизвестно, но, по статистике Военного министерства это самое большое Донское Войско в 1801 г. имело казачьего населения обоого пола только 270 тысяч. А сколько же оно имело ровно сто лет назад, во времена Петра I?

---

/1/ Акажемик Шмурло "Ист. России" стр. 288, /2/ "Истри. Каз. Календарь" 1950 г., стр. 35, /3/ С.Г. Пушкарев "Обзор Русс. истории", стр. 297-98.

Несправедливость была и в том, что казаки, с тех пор, как и все иррегулярные войска до 1864 г. не обслуживались государственным интендантством, а в походах принуждены были все, - и пищу и фураж получать от "благодарного" населения, ибо "манной небесной" Господь Бог кормил только евреев в Аравийской пустыни. Отсюда и вечный поклек на нас, что казаки "грабили" население.

И, если московский народ поставлял одного рекрута на 20 дворов, то кабаки должны были служить поголовно, и к тому же, как все тогда военнослужащие, до дряхлой старости. Безусловно, казаки, служившие до того "доброхотно", выставляли столько полков, сколько находили для себя возможным, теперь тяжело несли это Петровское бремя.

Да разве только одни казаки были недовольны новшествами царя? Недовольным был весь московский народ, за исключением его приближенных. Царь беспрерывно вел войны, для чего требовались бесконечные, новые рекрутские наборы в армию, к тому же войны под Нарвой, Гродно, Прутом и т.д. не давали побед. А средства на содержание армии, флота, закупки оружия и обмундирования и пр. уходили огромные. Для пополнения казны на все это требовалось больших налогов на население. Больше того, введены были тогда особые кадры специальных "прибыльщиков", которые придумывали новые налоги. За что только тогда не брали налог? За соль, гробы, бороды и т.д. Причем, выбивали налоги у неимущего люда "батогамми". И стонал народ от непосильных, бесконечных налогов, которые при Петре I увеличились в пять раз против прежних. Недоволен был московский народ и тем, что царь за неимением достаточного количества меди, снимал колокола с храмов Божиих и переливались они на пушки, и они часто не шли впрок, ибо в неудачных боях это попадало в руки неприятеля. Историки Ключевский, Милюков и др. пишут, что царь часто брался за многое, но не кончал и брался за другое, а деньги, материалы и народ на этих принудительных работах пропадали сотнями тысяч безрезультатно. Примеров тому много, хотя бы Азовский флот. "Оценивая хозяйственную работливость Петра, не забудем, что дубовые леса ныне Воронежской губернии, для этого флота были вырублены сплошь. Оставшиеся от этого миллионы бревен валялись потом по берегам и отмелям рек" /1/. Как мы уже сообщали, этот флот сгнил в гирлах Дона. Кроме флота пишет И. Солоневич, гибли: "дубовые леса, полковые слободы, конская сбура, пушки, корабли и Бог знает и еще что." /2/.

Царь придумывал всякие "кумпанства". Историк Милюков пишет: "Из кумпанств не вышло ничего. Из Петровских фабрик до Екатерины дошло только два десятка", а историк Покровский производит еще более мрачный свой подсчет - "не более 10%".

Бесконечные налоги, рекрутские наборы, неудачные войны, жестокие казни приводили народ к бунтам и восстаниям. Говоря об этих бунтах, историк Ключевский в одном месте пишет: "Сколько же злобы накопил Петр у себя за спиной?" Особенно большие бунты были стрельческие в Москве и Астрахани. После усмирения их, только в порядке репрессий, по советски говоря - "во время чистки" погибло более 20 тысяч, причем сам царь лично пытал и производил казни, рубя головы топором, т.е. что не делал даже Иван IV Грозный/. По "Уложению" царя Алексея Михайловича, осуждению смертной казнь подлежало тогда за 60

видов преступлений, а Петр I ввел их более, чем 200.

Народ гиб в бесконечных войнах, на принудительных работах и т. д. и историк Милжков в своем труде "История Государственного хозяйства" сообщает, что в сравнении с последней московской переписью населения "средняя убыль населения в 1709 году равнялась 40%. В Пошехоньи только из 5356 дворов от рекрутчины и казенных работ запустел 1551 двор и от побегов 1366 дворов". Сами цифры говорят за себя.

И у историков и в исторической литературе мы читаем, что московский народ тогда за такую убыль населения прозвал царя "мироедом".

Казачьи не влюбились царя еще в 1695 г., когда он тысячами их стогнал на принудительные и тяжелые работы на верфи под Воронежом, где они сотнями умирали от недоедания, непосильной работы и эпидемий. Наблюдали они за действием царя, а еще больше повзносили его в бытность на Дону, в походах на Азов. Видели как он запросто участвовал в попойках с приближенными и даже в среде голландских шкиперов, когда в порыве гнева, а это случалось нередко, его пресловутая "дубинка" ходила по спинам негодивших чем-либо ему его подчиненных. Не нравилось это донцам, видели они не раз царей в иной обстановке, когда их принимали цари и потчивали, как послов Зимовой станицы в Грановитых палатах Кремля. Не полюбили казаки царя Петра и за то, что он не оказал им, как победителям турок под Азовом, должного в Москве, на азовских торжествах, а все отдал своим преображенцам и оземновцам, которые были лишь свидетелями казачьих побед под Азовом. Помнили казаки, как жестоко расправлялся царь с восставшими в Астрахани стрельцами, и как он сам лично пытал и казнил их. А казаков Елисея Зиновьева и др., которых стрельцы выбрали своими начальниками, после страшных мук на "провеже" в Преображенском приказе, всех колесовал.

Религиозные казаки не полюбили его за то, что он снимал колокола с церквей, лил их на пушки, которые к тому же потом не пошли впрок.

И еще больше отворачивались от царя и его указов после его кушунств и богохульств над религией; и вспоминали казаки пророчество К. Чюрносова об "антихристе" и о "лукавствах" с севера, от Москвы.

Имея себе поддержку в лице старшин "доброхотов" Москвы, царь продолжает вводить свои новые порядки на Дону. "Царство московское не столько нуждалось в новых землях для правительственной колонизации, сколько пошло войной на самый уклад вольной жизни Дона" /1/. Поэтому то царь и решил тогда окончательно уничтожить все казачьи вольности. Ниже мы перечислим все нововведения Петра I, на основании сведений историков: Соловьева, Ключевского, Сватикова, Буданова и др.

Прежде всего, желая ослабить влияние Круга/раньше все казаки могли принимать в нем участие/, по указу царя теперь на Круг с, езжали только атаманы городков и по два старика от них. Запрещено было посылать послов без ведома Азовского губернатора к окрестным народам; тем же указом в случае войны, казаки должны подчиняться командованию того же губернатора. Губернатору вменялось в обязанность производить разбор дел и осор между казаками и азовцами, крымцами, калмыками и т. д. "Акты" Лишина т. I/. Далее запрещаются

посылки "легковых" и Зимовых/посольских/станций к соседним народам, а также и в Москву. Теперь все дела казачьи разбирает Военная Коллегия.

Старый Донской герб - "Елень пронзен стрелой" заменен царем, гербом "казак на бочке". Царь переселяет сотнями и тысячами казаков с Дона на р.р. Куму и Аграхань. Для переписи всего казачьего населения царь посылает на Дон чиновников из Разрядного приказа, т.е. делает то, чего до того никто из царей не рискнул делать. Историк Сватиков пишет: "Посылка царских чиновников для разбора и переписи на Дону была вторжением в Донскую жизнь. Петр I начинает уже вольных донских казаков трактовать как московских служилых" /стр. 135/. Запрещается без указа царя селиться по "запольным рекам" на Московскую сторону, а также без его ведома запрещается занимать "пустопорожние" места. Казаков начинает царь насильно переселять с Хопра и Медведицы к Азову и Валуйкам. Казаков живших в городках Новый Айдар, Осиновый, Ревенский и Красный приказывает переселить на Северный Донец, а городки эти разрушить. Но казаки, как пишет Сватиков, и на половину не исполнили этого, но все больше и больше проявляли недовольство царскими указами. Казаки посылают гонцов к царю прося об отмене этих указов, но он попрежнему наносит удар за ударом по вольностям казачьим, и наконец наносит окончательный удар, запрещая казакам впредь принимать к себе беглых, чем нарушает древний обычай: "С Дона выдачи нет!" Этим самым Петр I лишил казаков "работных людей" из московитов, из которых они организовали артели для соленых и рыбных промыслов. Для ловли беглых из Москвы на границах были царем устроены специальные рогатки и заставы. В 1705 г. Петр I особым указом потребовал от казаков: "Беглецов и никаких пришлых людей ни откуда не принимать. За укрывательство таких беглецов казаки будут сосланы вечно на каторги, а пущие заводчики без жалости казнены будут". Приведя этот указ Т. Стариков говорит: "Такой указ возмутил казаков. Наказывать их мог только Войсковой Круг, только все Казачество". /Журнал "Вольное Казач." №17-18/.

Прибывшие на Дон царские чиновники стесняют добычу соли и рыбы, для чего присылаются специальные царские "откупщики". Этим самым нарушалась древнее "обыкновение", о котором мы уже упоминали, когда Сватиков и французский посол писали: "Никто чужой, даже русский не мог селиться на Дону без разрешения на то Войскового Круга. На реке Иловле Петр I построил специальный для наблюдения город, поставив в нем солдатский гарнизон, а на Азовском море основал г. Таганрог, также с своим гарнизоном.

Недовольствуясь нововведениями в военном и гражданском быте донских казаков, Петр I решил вмешаться и в церковную их жизнь, а посему приказал древние донские монастыри Борщевский, Лисогорский и Фаросановский, которые как и другие казачьи монастыри находились в ведении Войскового Круга, изъять из Донской автокефальной церкви и подчинить их Воронежскому митрополиту, а позже и Донскую самостоятельную церковь переводит также просто как епархию в ведение Воронежского митрополита. Так, постепенно из года в год Петр I уничтожал все то, чем сотни лет жили казаки, что любили и чем они гордились.

Донские казаки неоднократно обращались к царю с просьбой оставить их древние "обыкновения", гарантируя своей военной службой, но царь как раз то и хотел уничтожить все эти казачьи "обыкновения".

Как Ивану III и Ивану IV/Грозному/вольнoлюбивые Великий Новгород, Псков и Хлынов/Вятка/были как бы бельмом в глазах рабской Москвы, таким бельмом для Петра I был и вольнoлюбивый Дон со своим республиканским народоправством. А посему Петр I не обращая внимания на просьбы Дона, еще больше вводил свои новшества и для наблюдения за исполнением своих указов он посылает на Дон, в качестве своего комиссара, стольника Леонтия.

Так все больше и крепче Петр I накладывал свою жестокую руку на вольности донских казаков. Сначала все это вводило казаков "в сумление". Они открыто говорили: "Теперь нам на Дону от царя тесно становится." А дальше среди казаков начинается открытое возмущение новыми порядками. Толчком к этому послужила передача соленных приисков в Бахмуте, где донцы еще в 1701 году открыли свои солеварни, теперь, по указу царя, они должны были быть отданы Изюмскому полку, а для наблюдения за передачей на Дон был прислан отряд солдат, под командой майора Шалкеева. Шалкеев, как сообщает Сватиков /137/ не уведомил Войско и явившись на р. Бугучар, разорил Бугучарский городок, а казаков же этого городка выслал в пределы Московского государства. "Донская и московская колонизация Дикого Поля встретились лицом к лицу", говорит Сватиков /137/. А в это время полковник Изюмского полка Шилов, по некоторым документам Шидловский, захватил Бахмут, и тесня донцов, стал разорять казачьи городки по речкам Бахмуту, Красной и Жеребцу.

Станичный атаман Бахмутского городка, казак Трехизбянского городка Кондратий Афанасьевич Булавин еще с 1701 года начал борьбу с соседями торскими жителями и слободскими казаками за владение солеварнями, и в 1705 г. он разорил варницы занятые слободскими казаками. Желая уладить окончательно вопрос о солеварнях, К. Булавин послал гонцов к царю во главе с есаулом Бахмутского городка Григорием Банник, тем самым, который в 1701 г. под Нарвой спас царя от сабельного удара шведского кирасира. /1/

В письме к царю Булавин жаловался на самоуправство майора Шилова в Бахмуте и Шалкеева на р. Бугучаре и, вообще на самоуправство солдат. Напомнил в письме о своем подвиге под Азовом и писал царю: "Мне лично награды, Государь, как обещал не надо, а разреши наше общее казачье дело, верни нам наши соленные прииски в Бахмуте".

Царь обещал Булавину рассмотреть его жалобу и прислал из Адмиралтейского приказа дьяка Горчакова с отрядом солдат/на Дон/в Бахмут. Прибывшего в июне 1706 г. Горчакова, Булавин посадил под караул до получения ответа на свое донесение от Войскового Круга. Сватиков пишет: "Булавин поступил как добрый гражданин Донской республики, ожидая повелений верховного ее органа, Войскового Круга, и не допустил чуждого чиновника распоряжаться на Донской земле". /2/

От Войскового Круга в Бахмут прибыли старшины для разбора дел и не позволили Горчакову произвести опись варницам. После долгих споров Горчаков уехал обратно. Тогда царь послал на Дон карательную экспедицию в тысячу солдат под командой полковника князя Юрия Долгорукого, чтобы он усмирил Дон и выслал всех "беглых" в Москву.

---

/1/ Петров-Бирюк "Дикое Поле".

/2/ Сватиков "Россия и Дон", стр. 137-138.

Прибыв на Дон, Долгорукий Юрий не стал разбирать дело о Бахмутской соли, а стал наводить свои порядки, как барин в своей вотчине. Он безнаказанно творил суд и жестокую расправу над казаками. Непослушных ему атаманов городков он порол розгами, а казакам резал носы. Не считаясь с обычаями казаков, ловил и беглых и "новоприходцев" и старожиллов казаков, и без разбора заковывал их в кандалы и посылал на расправу в Москву. Н. Маркович сообщает, что солдаты Долгорукого пьянствовали, безобразничали, насильно брали к себе на ночь казачек, расстреливали казаков, детей вешали на деревьях вниз головой. /1/

"Долгорукий мало разбирался в том, кто и когда "зашел" на Дон. И вольных граждан Донской республики, которые хотя бы участием в многолетних войнах царям приобрели себе право личной свободы, Долгорукий бил, гнал и разорял без пощады. В восьми только городках по р. Айдару он схватил более 3.000 казаков для отправки в Москву". /2/

- Расправлялся жестоко Долгорукий и с старообрядцами. Захватив Бахмут он оставил население без соли, и казаки и рабочие-москвиты умирали от цынги.

Жестокая расправа Долгорукого окончательно переполнила чашу терпения казаков. Казаки открыто стали роптать, на что Долгорукий еще больше усилил своеуправство. Казачество вольнолюбивое заводилось. Забурлил весь Дон снизу доверху и сверху до низу. И закричали казаки открыто: "Вот теперь надо стать за собственную волю." /3/

Бурлил Дон... казаки ждали вождя, и вождь явился - это был атаман Бахмутского городка Кондратий Булавин.

---

/1/ Н. Маркович "История Малороссии" т. 6, стр. 209

/2/ Сватиков "Россия и Дон", стр. 138

/3/ С. М. Соловьев "История России" т. III, стр. 240

СПОЛОХ БУЛАВИНА.

Карательная экспедиция, посланная Петром I на Дон с кн. Ю. Долгоруким и его жестокая расправа с казачьим населением, страшно взволновала вольнолюбивое казачество. Ведь подобного этому еще никогда не было на вольном Дону с тех пор, как "зачался Донской присуд казачьими головами". Даже не случилось этого после восстания Степана Разина, когда впервые на Дон пришла московская рать, да и то по приглашению старшины с атаманом Корнилием Чересес/К. Яковлевым/.

Когда С. Разин, со славой вернулся на Дон, после своего легендарного Персидского похода и устроил свой стан в Кагальнике, старшина опасаясь как бы Разин не оказал своего влияния на домовитых, низовых казаков, попросили помощи у Москвы. Это было в феврале 1671 г., но лукавая, коварная, боярская Москва, в таких случаях никогда не спешила подать помощь: "Пускай сами поубавятся, тогда легче нам будет с ними справиться."

Так было и с Ермаком. Помощь пришла "на третье лето" со стольником Семеном Болховским, когда дружина Ермака в боях и болезнях численностью "поубавилась" и Болховский мог оказать свое влияние на вольных казаков. Так не торопилась Москва и с Азовом. Казаки его взяли в 1637 г. прося Москву помочь войском, оружием, порохом и пр. Но Земский Собор, собравшийся через пять лет/1642 г./ и боясь ссоры с сильной Турцией, предложил Донским казакам оставить Азов, когда и без нее казаки там "поубавились" и "четверть защитников в 1648 г. сами оставили Азов. И так было всегда. Но при Разине все же "поторопилась" Москва и через шесть месяцев пришла помощь со стольником Косоновым на Дон; никаких расправ не чинил Косонов, но дорого обошлась эта помощь, Дон принужден был впервые тогда "поцеловать крест" на присягу царю.

Теперь же при Петре I придя с войском Широв, Шанкеев и Долгорукий огнем и мечем зверски расправлялись даже с женщинами-казачками и детьми. Бурлил, глухо волновался Дон, от городка в городок ширился гневный ропот казаков, но за оружие еще не брались казаки. Все это учел К. Булавин и решил искру гнева казачьего превратить в огромный костер пожара.

В своем курене Булавин устроил сбор верных ему казаков и при помощи их он решил годнять свой "сполох" против Долгорукого. После сбора, он послал есаула Бахмутского городка Григория Банника в Шульгинский городок, С. Куницина в Герасимовский, И. Лоскута в Святолуцкий, Ф. Никифорова поднять бахмутских солеваров и т.д., и приказал всем быть "на чеку" и ждать его приказа.

Даже и среди Черкасских казаков нашлись такие, которые стали за свои вольности и негодуя над расправой насильников, рассылали по городкам "летучки" - "бить сыщиков Долгорукова". Такая летучка пришла и к Булавиному и попала на почву уже подготовленную Булавиным и он теперь решил действовать открыто и решительней в защиту вольностей и древних "обыкновений" Донского присуда. Выслав своих гонцов по городкам, стоявших на Донце и "заболотных" речках, сам бросился на р. Хопер, где устроил сезд, положив начало к восстанию и там.

Собрав более 350 хорошо вооруженных казаков, Булавин двинулся на р. Айдар в Шульгинский городок, где со своим тысячным отрядом стоял Юрий Долгорукий и в ночь на 9 октября 1707 г. он неожиданно напал на спящих, после пьянки, непробудным сном солдат, уничтожил весь отряд с офицерами и самого Долгорукова. Весть об убийстве Долгорукова молниеносно разнеслась по всему Дону и к Булавиному из ближайших

городков скакали восставшие с оружием казаки. Булавин устроил сезд и от этого Походного войска вольнолюбивых казаков выпустил свое воззвание:

"От Кондратия Булавина и всего Сезда войска Походного Донского" Всем старшинам и казакам.

За Дом Пресвятой Богородицы, за Иоанна Крылатого, за истинную христианскую веру и святых Апостольские церкви и за все Великое войско Донское, также сыну за отца и брату за брата и другу за друга - стать всем нам и умереть за одно. Зло на нас умышляют, лгут и казнят напрасно. Вводят в эллинскую веру и от истинной отвращают. А вы ведайте, как наши отцы и деды на всем нашем Поле/Донской земле - С.Б./жили и как оно крепко держалось.

Ныне наши супостаты наше Поле все перевели и не во что вменили. А чтобы нам его вовсе не потерять, должны мы его защищать единодушно и в том бы мне твердое слово и клятву дали."/1/

В словах этого воззвания и заключалась идея и программа борьбы Булавина.

Одновременно с этим Булавин отправил воззвание и к запорожцам в Сечь, жалуясь на Долгорукого, он писал: "Московские стрельцы многие наши городки разорили и пожгли и нашу братию казаков многим пыткам предали и кнутами били, носы и губы резали напрасно. Жен казачьих брали на постель насильно. Детей наших по деревьям за ноги вешали" и т.д./2/ Описав все ужасы расправы, он сообщил об убийстве им Долгорукова и в конце писал прося помощи у братьев запорожцев.

Свое воззвание послал он и в соседние московские села, где жило много старообрядцев. Описав почему он восстал, далее Булавин обращался к старообрядцам - крестьянам - "казаков не опасаться. Между собой не враждовать, а действовать заодно против злых князей и бояр и прибыльщиков и немцев и не спускать, что они вводят в эллинскую веру и от истинной, христианской отвращают своими знаменьями и чудесы прелестными. Людей напрасно не разорять и не грабить. А по которым городкам и селам по тюрьмам есть заключенные люди, тех заключенных выпустить без задержания."/3/

Узнав о "сплохе" Булавина, верный ему Лука Хохлач стал действовать открыто на Хопре. Он поднял свой Пристанский городок, где побили присыльщиков Долгорукова, за ними восстали казаки Федосеевского, Алексеевского и Усть Бузулуцкого городков.

Так началось восстание Кондратия Булавина в октябре 1707 г., известное в российской истории под именем "Бунт Булавина".

Но был ли это бунт? Ведь не раз Булавин обращался к царю, прося мирным путем уладить вопрос о Бахмутских солеварнях. По мысли Булавина Войсковой Круг посылал "легковую станицу" с Еф. Петровым к царю, чтобы уладить этот вопрос и просили его оставить на Дону старые порядки, гарантируя царю своею службой в его войнах. Но царь каждый раз отказывал казакам, больше того, он как раз, наоборот, решил уничтожить эти вольности. Святиков утверждая это писал: "Царство Московское не столько нуждалось в новых землях для правительственной колонизации, сколько пошло войной на самый уклад вольной жизни Дона"./4/

Когда царь из года в год вводил на Дону новые порядки, казаки только роптали, волновались, мирным путем отстаивали свои "обыкновения", по которым еще вчера жили. Ведь Дон, как мы сообщали в первой главе, до реформ Петра I, жил своим независимым республиканским государством, на основе полного народоправства, о чем приводили мы справки российских историков: академика Шмурло, профессора Сватикова, а здесь приведем еще одну официальную справку государственного издания.

"До последней четверти XVIII столетия Донские казаки были совершенно независимыми от Москвы и в отношении других своих соседей вели свою политику". /Сборник "Военного министерства" т. XI, стр. 48/.

Не нравились казакам новые порядки царя, в пассивном состоянии они волновались, глухо роптали, но когда Шилов, Шаңкеев и Долгорукий стали самоуправно чинить жестокую расправу, когда солдаты их оскверняли храмы казачьи, кощунствовали над верой религиозных донских казаков и производили насилия над женщинами-казачками, убивая их детей, то казаки не дожидаясь, что Долгорукий всех их уничтожит.. взяли за оружие на защиту не только своих обычаев-"обыкновений", но защищая свои курени, своих жен, детей, и свою жизнь. Какой же это "Бунт"?

Тогда можно назвать "Бунт Чернецова" в 1917 г., когда он со своими партизанами, как патриот-казак стал на защиту Дона против красноармейцев, которые глумились над св. Иконами, оскверняли храмы Божии, насиловали женщин и без суда чинили расправу над мирным казачьим населением. И это тоже бунт? Или в 1918 г., когда поголовно восстали казаки против насилия большевиков, тоже "бунт"?

Нельзя смотреть на то, что происходило при Булавине, и за что он восстал, глазами читателя 1916 года. Казаки в течении более 200 лет присягали царям, служили им и были их подданными, и в течении этих двух веков путем планомерной руссификации, из вольного народа были правительством сведены на положение "сословия" и род оружия-конницу.

Совершенно другая была психология у казаков времен Булавина, как народа, который жил самостоятельно, по своему "обыкновению"-Войсковому праву, основанному на народоправстве. Идеология казаков того времени ярко была выражена в письме сподвижника Булавина Семена Драного к запорожцам, где он писал им: "Идет с московскими полками князь Василий Долгорукий, хочет наши казачьи городки свести и всю реку/т.е. Дон-С.Б./разорить. И мы войском походным ныне выступили и ожидаем к себе вашей общей помощи, казачьей-единобратской любви и вспоможения, чтобы наши казачьи реки были попрежнему, как было искони казачество и между нами казаками. И вы, атаманы-молодцы! Все Великое Войско Запорожское учините нам, походному войску всепоможение в скорых числах, чтобы нам с вами своей казачьей храбрости не утратить. Также мы сами рады будем с вами умирать за едино, чтобы над нами Русь не владела, и общая наша сила казачья была". /I/.

Еще неизвестно, как развернулись бы тогда события, и во что вылились они, если бы в самом начале не раскололся казачий монолит на "булави́нцев" и "старшинских" казаков, и запорожцы поддержали бы

Булавина, а также калмыки и крымские татары, которых звал на помощь Булавин/старшинские казаки перехватывали этих гонцов с грамотами Булавина/, и наконец, если бы атаман Л. Максимов не выступил бы против К. Булавина.

Д. Петров-Бирюк в своей книге "Дикое Поле", посвященной событиям Булавина, дает характерное объяснение почему Максимов пошел против Булавина? В главе I 9, ч. I на стр. II 7-I 23, он пишет, что Донской атаман Максимов, бывший атаманом в 1700 г. Илья Зершиков, Войсковые есаулы: Т. Соколов, Поздеев и К. Булавин, недовольные нововведениями царя и в особенности расправой Долгорукова, составили тайный заговор/убить Долгорукова/, подтвердив его "крестным целованием", благословив на то Булавина. Но вскоре Максимов одумался, боясь, что в тылу Черкаска стоит азовский гарнизон царя и боясь, что в случае неудачи Булавина, в пытках он или другие заговорщики донесут на него; раздумал и пошел против Булавина.

Так или иначе это было спорить не будем, но факт тот, что Максимов не поддержал, а напротив выступил против К. Булавина.

Атаман Максимов узнав о восстании Булавина, и что он со своим тысячным отрядом стоит в Боровском городке на р. Айдар, с черкасскими казаками, численностью в 8 тысяч, выступил в поход и близ городка Закотный они сошлись.

К Булавину, кроме казаков, примкнула масса бахмутских солеваров-"москвитов", оставшихся без работ. Увидя стройные полки Максимова, они испугались и ночью стали переходить в его стан, другие начали разбегаться. Видя такой оборот, Булавин не желая нести потери и без того малого своего отряда, и желая для будущего сохранить казачью силу, боя не принял. - "Нет, братья, видать толку не будет. Разве можно воевать с войском, ежели в нем нет крепкого духа? Напрасно не будем своих голоа класть. Видать, повоеем после, а зараз еще время не пришло" /I/. И ночью отошел назад. Максимов его не преследовал, довольный тем, что к нему в руки попало более ста перебежчиков.

Атаман Максимов захватив перебежчиков, десять из них приказал повесить для устрашения, чтобы другим не было охоты приставать к Булавину, остальных наказав плетью, под конвоем отправил по месту их жительства, в московские города, и только 12 главных зачинщиков с старшиной Е. Петровым, отправил в Москву, торжественно донося царю, что восстание подавлено. Но Максимов торжествовал преждевременно... Восстание Булавина фактически только начиналось.

В то время, как Е. Петров, как атаман "Вестовой станицы" с арестованными направлялся на север в Москву, в это время Булавин отправив свой отряд с Лукой Хохлачем на Хопер, сам же с группой своих приближенных скакал в Сечь, желая привлечь к себе запорожцев. Сначала он прибыл в крепость Кодак, это было предверие Сечи, сама же Сечь находилась в нескольких десятках верст, на острове Хортица. Булавин, его родной брат Иван, Семен Драный, Тимофей Чекин, Аким Гольий, Семен Куницын, Михаил Сазонов, чернец/монах/ Питерим и взвод казаков конвоя остановились у коменданта Кодака полк. Сметаны. Комендант через гонцов известил кошевого атамана о прибытии Булавина. Через два дня гонцы привезли ответ, что кошевой приглашает Булавина прибыть

в Сечь, куда немедленно Булавин во главе своей конной группы поехал, как посольство от походного войска восставших казаков.

Кошевой атаман Финенко радушно принял это посольство, но в помощи Булавину отказал. Запорожцы узнав об этом созвали Раду и "скинули" Финенко, а вместо него избрали кошевым атаманом Константина Гордиенко, старого сподвижника Булавина по походам на Азов.

Кошевой Гордиенко также не решился идти всем войском с Булавиным, пока он не привлечет на свою сторону Акерманскую/Белгородскую/орду, Ногайскую, горских черкесов и калмыков, но все же разрешил Булавину взять к себе добровольцев-охотников, а таких нашлось более 500 человек. Булавин считал это недостаточно и вернувшись в Кодак, решил здесь выждать дальнейших переговоров с кошевым Гордиенко.

В Кодаке он просидел около месяца, но не сидел без дела, а рассылал отсюда свои "грамоты"/воззвания/в соседние московские и украинские города, желая обеспечить себе тыл, призывая их также к восстанию. Через татар послал свою грамоту на Кубань к казакам-староверам, ушедшим с Дона с атаманом Мурзенко в 1688 г. после церковного раскола на Дону. Рассылал "летучки" по запорожским поданкам, писал им: "Отаманы молодцы, вольные казаки, кто хочет идти в поход с атаманом К. Булавиным, собирайтесь у Перекопа." Запорожцы стали прибывать к Булавину, благодаря чему его отряд увеличивался.

Гетман Иван Мазепа узнав об этом, направил против Булавина, Кожуховского и Полтавского компанийских полков, полковника Ливенца.

"ТАК ЗНИЩИВ МАЗЕПА ВЛАСНОГО СОЮЗНИКА, БО ТАКИМ МІГ СТАТИ БУЛАВІН У БОРЬБИ МАЗЕПИ З МОСКВОЮ." /1/

В то время, как Булавин сидел в Кодаке, Л. Хохляч на Хопре снова жаднял казаков по Хопру и Медведице, и послал к Булавину гонцов с новым "хорунком"/знаменем/, прося Булавина немедленно ехать на Хопер.

Атаман Максимов узнав об этом восстании, послал против восставших конный отряд черкасских казаков, 8 февраля 1708 года черкасские казаки под командой старшин Т. Федорова и М. Матвеева разбили булавинцев, и собрав здесь сезд, заставили восставших присягнуть царю. Казака Беляевской станицы Кузьму Акимова, выдававшего себя за Булавина и с ним пять его товарищей и знаменщика Ивана Емельянова арестовали и послали под конвоем в Москву.

Когда компанийский полковник Ливинец со своими полками двигался против Булавина на Кодак, в это время в Кодак прибыли гонцы, посланные ранее Хохлячем, и Булавин направив 1500 запорожцев на Бахмут, сам же с остальными казаками двинулся на Хопер, не задерживаясь в Кодаке, спешил на помощь Хохлячу на Хопер, не зная того, что он потерпел там неудачу.

## БОРЬБА БУЛАВИНА ЗА ДОНСКОЙ ПРИСУД И ДРЕВНИЕ КАЗАЧЬИ "ОБЫКНОВЕНИЯ".

В марте 1708 г. на Хпоре появился и сам подлинный Кондратий Булавин. Весть о прибытии из Запорожской Сечи Булавина всколыхнула Пристанский городок, где давно его ожидали и встретили Булавина с радостными криками: "Слава Атаману! Здорово был Атаман!"

Быстро разнеслась молва о его прибытии по городкам Донского Поля, ибо имя Кондратия Булавина тогда было весьма популярно среди казачества. Да не только на Донской Земле, но и далеко от нее его "преlestные" письма посланные по соседним селам и городам Украины и Московского царства возымели и там свое действие; крестьяне восставали против своих помещиков, заводили "казацкие порядки", другие толпами шли к Булавиному, желая получить свою волю. Но это неособенно радовало Булавина, ибо они уже раз подвели его на р. Айдаре у Закотного городка. Знал он, что этот неустойчивый элемент - восставшие крестьяне подвели Степана Разина у Симбирска. Рад он был лишь тому, что ближайший тыл у него благодаря тому был обеспечен. Выпустив из Пристанского городка опять свою "грамоту" - воззвание ко всем казакам, Булавин решил продолжать свою борьбу.

Единственная цель Булавина была поднять казаков, и прибрать к себе и черкасских казаков, а также склонить на свою сторону вольные народы: горцев, татар, калмыков и запорожцев.

Он знал отлично, что донские казаки в общей своей массе, за исключением "старшины" были на его стороне. Имя Кондратия Булавина было тогда весьма популярно, казачья

масса видела в нем защитника Донского присуда и древних "обыкновений", и заступника их против жестоких самоуправств царских чиновников. Поэтому при известии о прибытии Булавина, с разных городков прибывали в Пристанский городок гонцы, обещая ему свою поддержку. Булавин в Пристанском городке устроил свой стан и сюда с разных концов прибывали вооруженные люди конные и пешие. В самом Пристанском и соседних городках все было переполнено воинством, многие стояли табором в шатрах, ожидая похода. Но Булавин не мог торопиться, надо было все это организовать, построить каюки и струги, сделать запасы боевые и продовольства. Наконец узнать подлинно о настроении горцев, татар, ногайцев и др., ибо цель его была взять Черкасск, осесть там своим походным войском. Ведь Черкасск столица Донской Земли, там Войсковой Круг, там Главное войско и донские казаки привыкли жить так, как скажет Черкасск.

Но разношерстные отряды этого не могли понять. В ожидании похода, они томились от безделья, кое-где стали роптать на Булавина, что он сидит на одном месте.

Булавин зная свое влияние и силу над толпой, сам шел к ним.

"Появлялся Булавин - все смолкали, он решительным взглядом обводил толпу.



Прибытие К. Булавина в Пристанский городок.

Прибытие К. Булавина в Пристанский городок.

-Браты! Ай мне не верите? Ай мне неведомо куда вас вести?

-Верим, атаман, верим батько-, прорывалась толпа криками.

-А ежели верите, то молчите... Раз уж я закалыкал этим делом, то не отступлюсь и назад не ворочусь. Пойдем мы, братья везде, дайте только срок... Но допреж, атаманы-молодцы, пойдем мы на Черкасск городок. Ежели я не исполню того намерения, то отсеки́те мне голову́ этой саб-лей."

Он выхватил из ножен кривую турецкую саблю и потрясал ею над головой. "Отсеки́те, братья!..." - "Верим, верим" иступленно орала толпа. Булавин бросал саблю в ножны и убеждающе говорил... "/Г/

Толпа успокаивалась и терпеливо ожидала похода. В последних числах марта все было готово. Огромные толпы вооруженного народа запрудили берег р. Хопра. Монах Питирим отслужил напутственный молебен, люди сели по каюкам и стругам. В передний огромный каюк решительно вошел Булавин, снял трухменку с синим тумаком и перекрестившись по донскому на две стороны, громко окомандовал: - "Поплыли братья!..." - "По-плы-ли, по-плы-ли"... протяжно повторяли ватажные на стругах. Л. Хохлач оставлен Булавиным здесь, как его помощник, толпы людей на берегу кричали: "В добрый час атаманы-молодцы."

Струги и каюки с пешими людьми и пушками поплыли вниз по Хопру. Конные отряды двинулись по берегу.

Кондратий Булавин вышел в свой поход на Черкасск на борьбу за древние Волгу и Дону казацьи.

Азовский губернатор Толстой узнав о движении Булавина на юг, выслал против него конный отряд в 8 тысяч сабель при 4 пушках под командой полк. Васильева. К нему в Черкасске присоединился атаман Максимов с конным отрядом черкасских казаков, и они двинулись вместе на север. 7 апреля 1708 года отряды Максимова и Васильева узнав о приближении Булавина, расположились на ночлег на берегу р. Лесковатки выше Паншина городка. Ночью Булавин отправил лазутчиков с "преlestными письмами" к казакам Максимова, в них он писал:

- "Атаманы-молодцы, братья казаки, супротив кого идете? Супротив родных братьев-казаков, да ишшо укупно с азовскими батальщиками/а/. Неужли беды не чувствуете? Дону нашему истребление идет. Москва всем нам заместо чедыг/б/лапти обить хочет. Оклонитесь/в/, братья-казаки, и зарае приворачивайте к Кондратию Булави́ну безовсякой шатости"/г/-/г/.

Видимо эти письма возымели действие, казаки в стане Максимова ночью тайно собирались кучками и решили утром собрать Круг, чтобы атаман Максимов объяснил почему он вышел против Булавина с азовским полковником Васильевым, а также уговорились в булави́нцев стрелять холостыми патронами. Чуть стало светать, заволновался стан Максимова, старшина Е. Петров стал собирать войско в Круг. Булавин ворко наблюдал за станом противника, зная их намерения и неожиданно, внезапно, бросил свою конную массу в атаку на Максимова. "Рядовые казаки Максимова сговорившись, стреляли в казаков Булавина не пулями, а "пыжами"/холостыми патронами"/. /2/

---

/Г/"Донская старина" ч. 2, /2/"История СССР" проф. А. Панкратова, ч. 2, стр. 16. /а/"батальщики"-регулярные солдаты, /б/"чедыги"-сапоги, /в/"оклонитесь"-одумайте, /г/"шатость"-колебание, неустойчивость. /Г/д. Петров-Бирюк "Дикое Поле", стр. 207

Из-за этого многие казаки Максимова атаки не приняли, а стали переходить к Булавину. Видя это Максимов и Васильев бросились назад и едва спаслись бегством от плена, первый в Черкасске, второй в Азове. Так, почти без потерь, Булавин одержал блестящую победу, взяв большую добычу: 4 пушки, огромный обоз с боевыми припасами, продовольствием и 8 тысяч рублей войсковой казны.

Благодаря такой победе Булавина, в казачьей массе произошел решительный перелом.

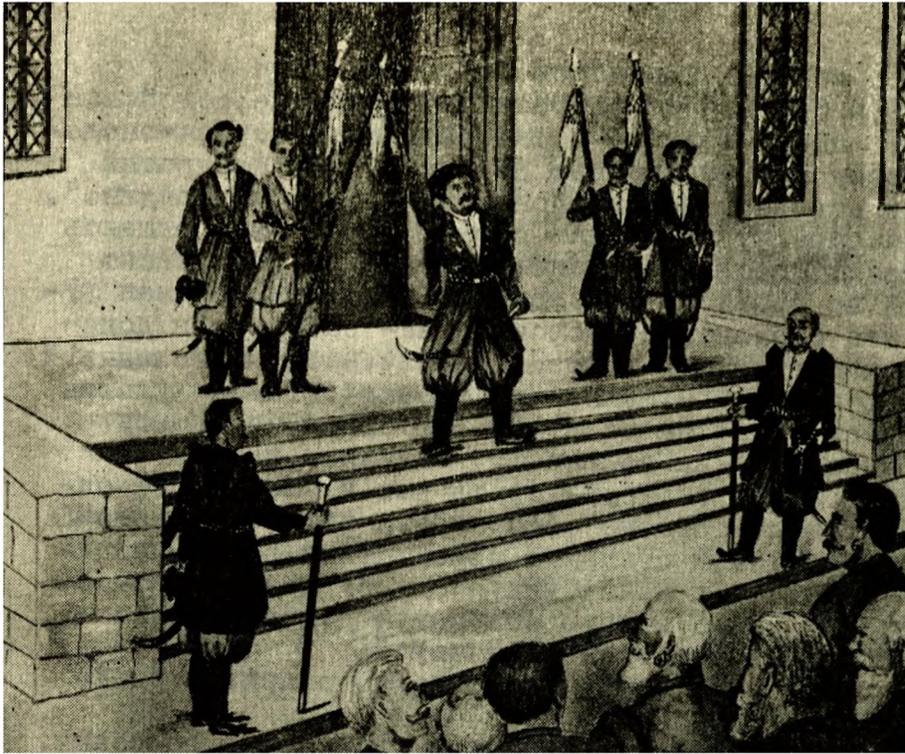
"26 городков по Хопру, 16 по Бузулуку, 12 по Северному Донцу восстали и присоединились к Булавину. У атамана Максимова осталось пять городков возле Черкаска с 1780 казаками и Черкасск с пятью тысячами населения обоого пола. В Тамбовском и Козловском уездах жители деревень выбирали атаманов и есаулов. Снова начиналось насаждение "казатчины", как и при Степане Разине." /1/

После этой победы Булавин продолжал двигаться на юг. Пешие части плыли на стругах по Дону, а конница шла берегом. "Население городков встречало Булавина с хлебом и другими продуктами. У Есауловского городка к Булавину присоединился со своим отрядом в 1500 казаков атаман городка Игнатий Некрасов - "односум" его по прежним походам. У Цымлянского городка к Булавину прибыли гонцы от Семена Драного, который сообщал, что городки по Северному Дону ждут его распоряжений, а на Айдар на помощь ему пришло от кошевого атамана Гордиенко 4 тысячи запорожцев. Не имея сопротивления Булавин 28 апреля 1708 г подошел к Черкасску. Атаман Максимов попытался оказать сопротивление, открыв огонь из пушек с раскатов/д/с Черкаска по булавинцам, но пушки Булавина молчали, он не хотел бомбардировать Черкасск.

"Кондратий Булавин не запятнал себя ни злоупотреблением алкоголя, ни дебошами, ни излишней жестокостью, ни деспотизмом. Осадив Черкасск, он во избежание лишних жертв, воздерживается от бомбардировки его. Потом войдя в Черкасск, он имел полную возможность расправиться собственной, единоличной властью со своими злейшими врагами, но оставаясь подлинным революционным демократом, он отдает их на суд Круга" /2/.

И действительно, зная от лазутчиков, что только старшина против него, Булавин будучи обстрелян из пушек Черкаска, сам не открывал, нарочно, огня. Видя это, черкасские казаки возмущившись Максимовым, сами открыли ворота Булавину и он в, ехал в Черкасск победителем, не разрушив его и не пролив кровь черкасцев.

Казалось бы, что войдя победителем в Черкасск, Булавин мог бы самовластно, жестоко расправиться со своими врагами: атаманом Максимовым, Е. Петровым, И. Зерщиковым и др. Но К. Булавин был подлинным рыцарем-воином, уважавшим законы войны. С Ефремом Петровым он мог бы расправиться еще раньше, когда Петров, как посол атамана Максимова прибыл к нему в стан накануне боя у Лесковатки. Е. Петров, как "знающий" казак, видевший в Булавине лишь "сотного"/сотника/, стал говорить ему дерзости, называя его "цареотступником" и "вором", и даже не поздоровался с ним при входе в палатку Булавина. Булавин спокойно переносил дерзости Петрова, и не согласившись на его условия, Булавин спокойно отпустил его, сказав: "Зараз ты меня не бойся, Ефрем. Зараз



"Не отступлюсь! За правду казачью буду после присяги в Черкасском соборе, 2. мая (Из речи атам. Булавина, стоять до смерти."

ты же посол, нельзя того делать. А вот уж, когда я изловлю тебя в бою, то тогда пасись/а/ Ефрем. Пасись! Иди Ефрем, не о чем нам больше гутарить/б/ Проводи его Сазонов и скажи моим именем, чтоб не трогали Ефрема никто!./г/ Мог бы он теперь самочинно расправиться с атаманом Максимовым, войск. есаулами: Поздеевым и Соколовым, И. Зерщиковым, но Булавин уважал выборное начало войска, а по нему судьбу их он решил отдать на решение Войскового Круга, который их выбирал.

Как великодушен был простой "сотный" казак Булавин с своими врагами в сравнении с "благородными" князьями: Юрием и Василием Долгорукими, полковниками: Шиловым, Шанжеевым и др. царскими чиновниками, которые зверски самоуправствовали над мирным казачьим населением, не щадя ни женщин, ни детей.

Булавин закаленный в боях, исповедывал древний казачий закон войны, как учили его дед и отец: "В бою, Кондратий будь беспощадным, но с побежденными, с кленным врагом будь милостивым."

Через день в Черкасске собрался Круг, и разобрав дело, он осудил атамана Максимова, В. Поздеева, Ефрема Петрова и с ним еще трех старшин-арых "доброхотов" Москвы, и без пыток и мучений "войсковой саблей" им отрубили головы на Майдане/в/. А 2-го мая собрался другой В. Круг для выбора нового атамана. Весь многотысячный майдан без всяких споров, многогласно выкрикивал: "Люб нам Кондратий Булавин." Но несмотря на такое всенародное желание всего Майдана, Войсковой есаул согласно дедовскому "обыкновению", трижды вопрошал Майдан: "Надобно нам, атаманы-молодцы и братья казаки, избрать нового атамана. Кому велите пернач отдать?"

И каждый раз весь Майдан кричал: "Люб нам Кондратий Афанасьевич", "Булавину пернач."

... На лестнице Войскового собора стоял К. Булавин. На его смуглом, с решительными смелыми чертами лица не дрогнул ни один мускул, только на ветерке колебалась в его левом ухе большая золотая серьга-

/г/ Петров-Бирюк "Дикое поле", стр. 236, /а/ "пасись" - бойся, берегись, /б/ "гутарить" - разговаривать, /в/ "майдан" - площадь в городке, где собирается Круг.

в полумесяце крест с изумрудом, подарок его деда.

Древний старик, самый старый по возрасту в Черкасске, седой как степной лунь, на синего цвета подушке поднес Булавину пернач-эмблему власти на народоправном Дону, сказав: "Возьми пернач Кондратий Афанасьевич и послужи атаманом Войску Донскому честно и правдиво".

Вновь выбранный атаман Булавин взяв пернач в руки и обращаясь к Майдану громко сказал: "Спасибо атаманы-молодцы и все Войско Донское за доверие". И по древнему донскому обыкновению атаман Булавин поклонился на две стороны, в сторону Дона-"батеньки" и Донской степи-"маменьки", и поднял над головой пернач. Весь многолюдный майдан обножил головы, сняв свои шапки-"трухменки". Атаман Булавин горячо призывал казаков стать на защиту "веры отцов, на защиту древних донских обыкновений", за вольности казачьи... и сыну за отца, и брату за брата, и другу за друга-стать нам и умереть за одно"-за Донской присуд". После того из собора был вынесен аналой со Св.Евангелием и Св.Крестом, и атаман в присутствии всего майдана принес присягу на верность и неподкупную службу Донской Земли. А после Булавин вынул из ножен кривую старинную дедовскую саблю и на ней перед всем народом принес свою клятву:

"Не отступлюсь! За правду казачью буду стоять до смерти!" /рисунок на стр.21/.

Так на Майдане, в Черкасске, Войсковым Кругом, вольными голосами, революционный атаман Походного войска восставших казаков Кондратий Афанасьевич Булавин 2-го мая 1708 года был избран законным Атаманом Всего Великого войска Донского.

На этом Круге были выбраны новые Войсковые Есаулы: Тимофей Соколов и Степан Апатыйн, и другие должностные лица, а кроме того постановлено было Кругом мобилизовать верховых казаков по семь человек от каждого десятка на борьбу против московских отрядов.

Отправив целую группу казаков-"доброхотов" Москвы из Черкаска в верховые городки к Л.Хохлачу, чтобы тем самым обезвредить Черкасск от влияния Москвы, атаман Булавин вместе с войсковыми есаулами Т.Соколовым и С.Ананьиным, и др. должностными лицами решил выработать текст "войсковой отписки"/грамоты/ к царю Петру. По окончании текст этот был прочитан на Войсковом Круге и одобрен, и только тогда Булавин скрепил войсковой печатью и поставил свою атаманскую подпись. В этой "отписке"-грамоте посланной от имени Войскового Круга, в самом начале сообщалось, что: "Мы Войском своих старшин за неправды Лукиана Максимова с товарищи 6 человек казнили смертью, а вместо их по совету, всем Войском Донским иного атамана, Кондратия Афанасьевича Булавина и старшин, кто нам, войску годны и любви выбрали, 2 мая 1708 года. Затем подробно описывались все злоупотребления атамана Максимова и старшины в отношении казаков, и законов Войска, и оправдывали казаки убийство Долгорукова, писав, что "его убил не один Булавин, а с ведома общего нашего, со всех рек Войскового совета", далее говорилось, что донские казаки от государя "не откладываются"/х/и"желаем ему всем войском и всеми реками всеусердно служить по прежнему", если царь оставит казакам их древние "обыкновения", "как были ранее". Просили царя не посылать

---

/х/"откладываться"-не отделяемся.

"своих полководцев ходить на Дон", как Долгорукий и др. и далее продолжали... "ежели они/"полководцы"-С.Б./пойдут, и насильно будут разорять Дон, то мы Войском Донским реку Дон и со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдём"/1/.

Коментируя эту отписку проф. Сватиков пишет: "Итак, повстанцы язвы ком XVII века уверяли Петра, что они готовы уступить ему всю территорию Дона и уйти на иную реку". Но в то же время они искали союзников и 17 мая 1708 года писали Войску Запорожскому прося помощи"/стр. 143/.

Да, зная вероломство Петра I, действительно, атаман Булавин писал запорожцам тогда письмо, прося помощи, когда узнал, что царские чиновники попрежнему чинят расправу над казачьими городками, а от беглых с севера старообрядцев узнал, что царь в Туле, против Дона формирует 20-тысячную армию, из Литвы идут драгуны, а на Украине формируются слободские и компанийские полки против Булавина. Поэтому Булавин сообщая запорожцам, предупреждал их не забывать завет кошевого "батки" Ивана Серко, который когда-то по братски предупреждал и запорожцев и донцов быть "вкупе и едиными", давая помощь друг другу. "Казачи!", писал Серко, "как только мы одного выдадим, тогда всех нас Москва по одному разволочит."

Писал атаман Булавин атаману казаков-староверов Савелию Пакомову на Кубань, прося у него помощи, где сообщал ему: "А если царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших, дедов и прадедов или станет нам на реке/т.е. на Дону-С.Б./, какие утеснения чинить, и мы Войском от него отложимся и будем милости просить у Вышнего Творца нашего Владыки, а также и у Турского царя, чтоб турски царь нас от себя не отринул", предупреждал письмо это держать в секрете: "А буде у вас, Савелий Пафомович, из нашей стороны какие люди московские из Азова или Троицкого или откуданибудь русские люди, при вас будут, про се письмо им не явить и не сказывать", и далее сообщал: "А нашему государю в мирном состоянии не верь, потому он многие земли и за мирным состоянием разорил и ныне разоряет"./2/

Царь на получив "отписку", привезенную ему "легковой станицей", не пошел на уступки Войсковому Кругу, а наоборот, как мы сообщали ранее, царь именно хотел уничтожить казачье самоуправление, насаждая на Дону свои новшества. Характеризуя все эти новшества Петра I, монархист Ив. Солоневич ссылаясь на Ключевского пишет: "В тылу Петра вспыхнули бунты башкирский и булавинский, показавшие по Ключевскому: "Сколько народной злобы накопил Петр у себя за спиной"/3/.

Вместо ответа Войсковому Кругу Петр I послал на Дон новый карательный отряд с кн. Василием Долгоруким. Жестокий царь-садист, знал кого посылать. Послал он брата убитого казаками Юрия Долгорукова, рассчитывая, что Василий Долгорукий жестоко расправится с непокорным Доном, мстя за смерть родного брата.

В то время, когда над Доном сгустились тяжелые, свинцовые тучи и надвигалась на него, как смерч страшная гроза-Василий Долгорукий готовил Дону кровавую очередную трагедию, Булавину улыбнулось боевое счастье. Игнат Некрасов соединившись на Волге с Хохлачем, взял Царицын и пошел вверх, завладев старым казачьим городом Камышиным, всюду вводя казачьи порядки. Частично имел успехи С. Драный на

Айдаре в борьбе с полк. Шиловым. Булавин получил весть, что с Кубани выступил конный отряд казаков-староверов из 3 тысячи сабель от Савелия Пахомова, у которого Булавин просил помощи.

Были и другие частичные успехи на Хопре, Медведице, но это не все еще. Главное же, что так беспокоило Булавина - это то, что кошевой Гордиенко послал 4 тысячи молчал. Молчали калмыки, долго ждал он ответа от татар, но потом выяснилось, что его гонцов перехватили из Азова. Сознал он сам теперь, что не взял Азов в самом начале, когда было у него много войска в Черкасске, и когда у всех тогда был под, ем, и занявшись внутренними делами войска он пропустил время. Сейчас же чувствовал, что гроза неминуемо надвигается на него.

...И гроза разразилась над Донской Землей. В Черкасск с гонцами приходили страшные весты. С разных сторон на Донской присуд двигались царские рати: Кн. Василий Долгорукий к городкам по Северному Дону, кн. Гагарин вел свою рать из Курска, из Изюма двигался полк. Шиллов с компаниими полками, с гетманской Украины шел полк. Ливенец. Со слободскими полками полк. Кондратьев, к Бахмуту приближался полк. Кропотов с двумя драгунскими полками. Из Козлова направлялся на Дон кн. Волконский, из Казани кн. Шаховской вел калмыков, и на Волге вытеснили отряды Хохлача и Некрасова из Саратова, Камышина и Царицына. Со всех сторон шли царские рати, чтобы сломить вольнолюбивый Дон. Когда эти слухи дошли до Черкаска, приуныли казаки.

"В Черкасске стало беспокойно. Малодушные бурлаки и черные люди поддавшись страху стали разбегаться" /1/ К атаману Булавину прибывали гонцы, прося помощи от своих городков. Всего войска у Булавина считая отряды Драного, Гомого, Некрасова и др. было более 30 тысяч но они все были далеко, в самом Черкасске и ближайших городках не более 15 тысяч. Сознал атаман, опытный воин, что дробить силы нельзя, но как не помочь городкам, которых жгут, и что скажут казаки? - "Атаман не дает помощи!" И он посылал небольшие отряды на помощь казакам.

С каждым днем царские отряды углублялись все дальше на Донскую Землю, сжигая городки и уничтожая казачье население. Казаки видя неминуемую гибель, бились отчаянно.

Историк Сватиков отмечает, что 1-го июля Драный на Айдаре был разбит после жестокого боя. После того Шиллов пошел на Бахмут, где были 1500 запорожцев и они все легли в бок. Шиллов с радостью доносил кратко: "Конклюзию казакам учинил, Бахмут выжгли и разорили." Был ли это бунт Булавина?

Так всюду казаки боролись не на жизнь, а на смерть и в других местах. Печальные весты эти быстро доходили до Черкаска, туда же бежало много бурлаков, солеваров и другого работного люда, спасаясь по дальше, чтобы их не вернули опять царские "прибыльщики". В Черкасске помещений для них не было, да к тому же домовитые казаки с этой голытьбой держали себя высокомерно, не пуская их в свои курени. Среди голытьбы начался ропот. "По ночам пьяные толпы гулятьев и работных людей орали перед окнами атамана: - "Атаман, побьем всех домовитых." "Вели, атаман, побить природных черкасских казаков..." "Раздай нам их пожитки... Отдай нам их курени." /2/.

Смелый атаман выходил к ним, говоря: "За народ я иду!" - кричал он, топая ногами. - "За народ! За волю!" Чтобы успокоить их, атаман Булавин приказал раздать им всем поровну деньги из войсковой казны.

Атаман Булавин учитывая создавшееся положение, как на фронте, так и в самом Черкасске, решил не теряя времени взять Азов, чтобы обеспечить себе спокойное положение в тылу. Он сам хотел идти в поход и возглавить Походное войско, но его отговорили ближайшие к нему его старшина, и тогда он назначил походным атаманом старшину Казанкина, он же был и начальником конных полков. Над пешими частями был назначен Хохлач. 2-го июля пешие части с Хохлачем поплыли на каюках и стругах вниз по Дону к Азову, а конница с Казанкиным пошла вдоль берега.

Дела на фронтах опять улучшились, Семен Драный снова сколотив отряд, успешно продвигался к Тору и Изюму, оправившись после неудачи Некрасов, одержал победу на Волге, не плохо дело шло теперь и у Голово. Снова повеселел атаман Булавин и говорил Галине: "Ну, донька, надобно тебе собираться в путь-дорогу, поедем скоро в Азов."

...Но, не оправдались надежды атамана, неудача постигла его у Азова, мало пошло туда войска, да и пушек было недостаточно в сравнении с огромным количеством орудий в Азове. Первый штурм не удался, особенно понесли большие потери пешие части, которых Хохлач повел по открытой местности, и много булавинцев полегло тогда от огня азовских пушек. Настроение осаждающих булавинцев упало. На следующий день 7-го июля снова пошли на штурм и опять пешие части понесли огромные потери, пал и сам Хохлач..., не вытерпела пехота и стала отходить, а в это время раскрылись азовские ворота и конница Толстова вылетела в преследование, тогда походный атаман Карп Казанкин с сокрушающей силой бросил свои конные полки на азовскую конницу, и опрокинул ее, но в это время из ворот Азова выскочила пехота на вылазку и ударила в тыл Казанкину. Завязалась страшная битва, продолжавшаяся три часа с переменным успехом. Успех явно клонился на сторону булавинцев, тогда Толстов бросил из ворот последний свой резерв. Булавинцы не выдержали напор свежих сил... и стали быстро отходить. Азов взят не был, и Казанкин после понесенных потерь отошел от Азова.

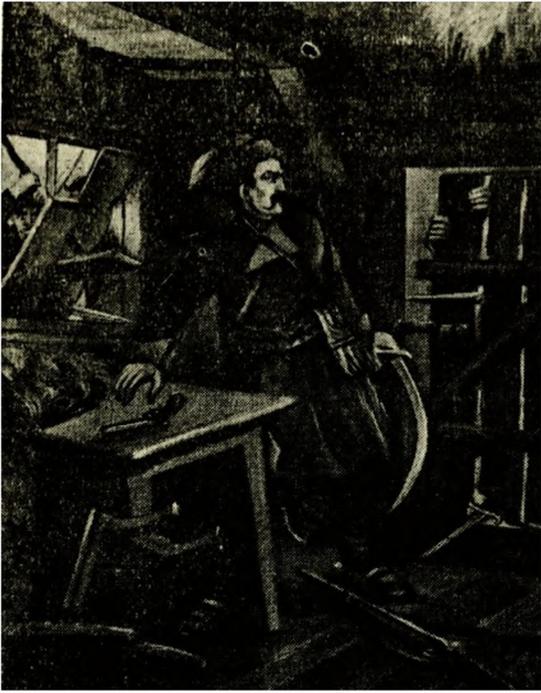
Весть о неудаче под Азовом была получена Иваном Зершиковым одним из первых. Учитывая это, он, как бывший атаманом в 1700 году, решил снова им быть и бросившись к казакам Рыковской станицы/х/, где жило много старшины, поднял их против Булавина. По пути он поднял всех недовольных бурлаков, гультаев и вся эта вооруженная толпа, бросилась к куреню атамана Булавина, где он находился с своей дочерью Галиной.

Приближаясь к дому атамана, толпа стала обстреливать его. Конвойная сотня под командой Дмитрия Туляя, бросилась вперед на защиту атамана Булавина. Произошел кровопролитный бой, в котором казаки конвоя и сам Туляя жали все в неравном бою.

Атаман Булавин забаррикадировавшись в своем курене, стал отстреливаться из щелей окон из ружей и пистолетов. Дочь Галина их заряжала,

---

/х/Черкасск состоял из нескольких станиц, из них одна была Татарская, где была мечеть, ибо на Дону была полная веротерпимость.



Смерть атамана Булавина.

а он отстреливался. Не мало пало под меткими его выстрелами, но... неожиданно стрельба по окнам куреня атамана прекратилась. Булавин в щель окна увидел, как толпы гультяев несут охапки сухого камыша, чтобы зажечь дом. В это время послышались удары топоров в железную дверь/обитую железом/. Булавин видя неизбежную смерть, попрощавшись с Галиной и схватив со стола заряженный пистолет, приложил приложил холодное его дуло к виску и выстрелил. Так покончил с собой 11-го июля 1708 года революционный атаман Бахмутского городка, потом атаман Походного войска восставших казаков за Донской присуд и позже выборный Донской атаман Кондратий Булавин, пробывший на посту всего лишь 70 дней. Но память о себе он оставил навсегда, пока живет дух вольнолюбивого казачьего народа.

...Галина продолжала отстреливаться, но когда увидела, что в окне и сорванной двери показались головы людей, она схватила со стены старинный, остро отточенный кинжал и с силой вонзила холодную сталь в сердце, упав на пол, обливаясь кровью.

Озверевшая толпа ворвавшись в курень атамана Булавина, вытащила его труп на улицу и распяла его на стене куреня. А на следующий день Тимофей Соколов, сообщник Ильи Зерщикова повез тело Булавина в Азов к губернатору Толстому.

Толстой приказал лекаря отрезать голову Булавина и хранить ее в спирте. Тело же покойного, без головы, приказал повесить на шест вверх ногами на берегу р. Каланчи - "Пусть проклятого клочет воронье", добавил Толстой.

А в это время на майдане в Черкасске собрался буйный круг, спорили, галдели казаки кому быть атаманом, кому вручить пернач. После долгих споров, избран был Илья Зерщиков, войсковыми есаулами попрежнему остались Соколов и Ананьин.

И. Зерщиков арестовав всех ближайших соратников Булавина и посадив их под стражу, начал рассылать по всем речкам увещательные письма, требуя принести повинную правительственным войскам. Написал он такое же письмо и Игнату Некрасову. В ответ на это Зерщиков получил от Некрасова грозное послание, где, в одном месте он ему писал: "... И мы, собранное войско и верховые казаки многих городков требуем от тебя, Илья Григорьевич, учинить нам отповедь, за какую вину убили вы Булавина и стариков его. Вы же сами излюбили и выбрали его атаманом, а стариков вы же посадили старшинами при войске. Если вы не изволите отповедати нам учинить о Булавине и стариков-старшин не освободите, то мы всем войском придем в Черкасск ради оговорки и подлинного розыску, за что вы без с, езду рек такое зло учинили" /

Получив такое от Некрасова письмо, Зерщиков испугался, ибо после смерти Булавина и Драного имя Некрасова Игната среди казаков пользовалось огромной популярностью, и казаки чувствуя к нему притягательную силу, бежали к Некрасову из разбитых отрядов.

Оказавшись между двух огней—между Некрасовым и Долгоруким, боясь за свой атаманский пост, Зерщиков написал письмо кн. Долгорукому, чтобы он спешил в Черкасск.

### МОСКОВСКАЯ "ИСТОРИЯ" ПОВТОРЯЕТСЯ.

Петр I отправляя гвардии майора кн. Василия Долгорукого, в качестве главнокомандующего всеми карательными отрядами, посланными на Дон, в своем указе повелевал ему: "Ходить по тем городкам, которые пристаут к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья, дабы тем удобнее оторвать охоту к приставанию, к воровству людей, ибо сия сарынь, кроме жесточи не может унято быть..." /1/

Приказ жестокий, но удивляться ему не приходится. Ведь писал его человек не обыкновенный, а большой садизмом в большой мере, каким был на царском престоле Иван IV, наивно прозванный в русской истории—"Грозный", а вся Западная Европа наградила его более подходящим именем: "Жан-Террибль", т.е. Иван "Страшный", "ужасный", да в сущности он и был таковым.

Не приходится удивляться такому приказу Петра В. Долгорукому потому, что почти такой же приказ он дал раньше и графу Шереметьеву, когда он шел на покорение маленькой Лифляндии, и Шереметьев его выполнил точно.

Уже самый факт посылки В. Долгорукова на Дон, а не другого, говорит о жестокости царя. Он знал кого посылать, и послал его нарочно, зная как он будет мстить казакам за убийство родного брата Юрия.

В. Долгорукий усердствуя жег городки "без остатку", рубил головы казакам, колесовал их, сажал на острые колья и т.д., не щадя женщин-казачек и неповинных младенцев. Творя жестокую расправу над казаками по "расписанию" царя, В. Долгорукий писал ему по пути к Черкасску 15 июля, т.е. четыре дня после смерти Булавина: "...пошел к Черкасскому для лучшего укрепления казаков. Надобно определение с ними сделать, чтоб и впредь им нельзя не токмо делать, но и мыслить и больности у них убавить" /Сватиков, стр. 145/. И "определял" казаков—сотнями казня их, у мертвых—"убавляя вольность", чтобы они не "мыслили".

"Вообще у Дона с именем князей Долгоруких связаны воспоминания мало приятные. Раньше кн. Ю. А. Долгорукий усмирал разинский бунт", сообщает историк Сватиков. Но расправа В. Долгорукова, как говорится только "цветики", а "ягодки" будут впереди. На эти расправы Лука Хохляч писал солдатам Долгорукова в "прелестных письмах": "Идете вы к нам, в Донские городки, для разорения. За что вам нас разорять? Нам до вас дела нет, ни до бояр, ни до солдат, ни до драгун. Мы стоим за веру христианскую, что почали Еллинскую веру веровать. Нам дело только до прибыльчиков и до неправых судей" /2/.

---

/1/ Сватиков, стр. 144 "Россия и Дон".

/2/ Там же, стр. 144

Не довольствуясь первым своим указом В. Долгорукому, жестокий царь, уже когда Долгорукий шел по Донской земле, послал ему дополнительные инструкции:

"Как будешь в Черкасском, тогда добрых обнадежь, и чтобы выбрали атамана доброго человека. По совершении оном, когда пойдешь назад, то.../тут начинаются страшные слова/" по Дону лежащие городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу: надлежит опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулук, по Донцу сверх по Лугани, по Медведице - по Усть Медведецкий, что на Дону. По Бузулуку - все, по Айдару - все, по Дёркулу - все. По Калитвам и по другим Задонным рекам - все. А по Иловле - по Иловлинский, по Дону до Донецкого надлежит быть так, как было"/1/.

Страшные, ужасные слова: "разорить городки все", "опустошить городки - все"... А главное то, что это - "когда пойдешь назад", т.е. после того, как Дон усмирен уже, Булавина нет, его сообщники арестованы, казаки приведены к присяге, выбран другой атаман - "добрый человек"... , короче говоря, избиение всех из мести, и сжигание "без остатку" всех городков - опять из мести. И на этот раз не будем удивляться столь жестокому указу. Ведь писал его Петр I, тот, который уже после подавления стрельческих бунтов в Москве и Астрахани, в порядке мести, или по советски "чистки", казнил более 20 тысяч человек, причем, как сообщает П. Шавельский/2/, царь приказал вырыть из могилы гроб тестя боярина Милославского; гроб этот ему был привезен в запряжке на 12 парях свиней, и на этом гробу он лично отрубил головы боярину Соковину и его сообщникам. Пытал сам и казнил сам лично царь и других стрельцов. Мало того, Петр I не имея чисто человеческих чувств отца, в припадке окаяинства, сам лично в Преображенских застенках, запытал до смерти родного своего сына царевича Алексея.

Можно ли ожидать милосердия от такого человека? Царь занимался не царским делом, обагрив свои руки, как профессиональный палач, в крови своих подданных.

...Московская "История" повторяется. Повторилась она на Дону и тогда.

...26 июля 1708 года В. Долгорукий со своим войском подошел к Черкасску. Атаман Илья Зерщиков со старшинами встретил его торжественно со знаменами. Все было спокойно, но через три дня он приказал выдать ему зачинщиков. Выданы ему были: 17-летний сын К. Булавина - Никита, брат покойного атамана Иван Булавин, Михаил Драный /сын С. Драного/, Кирил Калганов и с ними 26 "пуших заводчиков", а всего выдано было 50 булавицев. Долгорукий не казнил их, а отправил всех в Азов к губернатору Толстому, наверно действовал так по инструкции царя. Видимо Петр I, как любитель "зело" пыток и казней, предполагал прибыть лично в Черкасск позже, что на самом деле и произошло.

"Гибель Булавина", пишет Сватиков, "Петр торжественно отпраздновал молебном. Азовский губернатор Толстой повышен чином, майор В. Долгорукий произведен в полковники, всем солдатам вперед было выдано трехмесячное жалование."

---

/1/ Сватиков "Россия и Дон", стр. 145

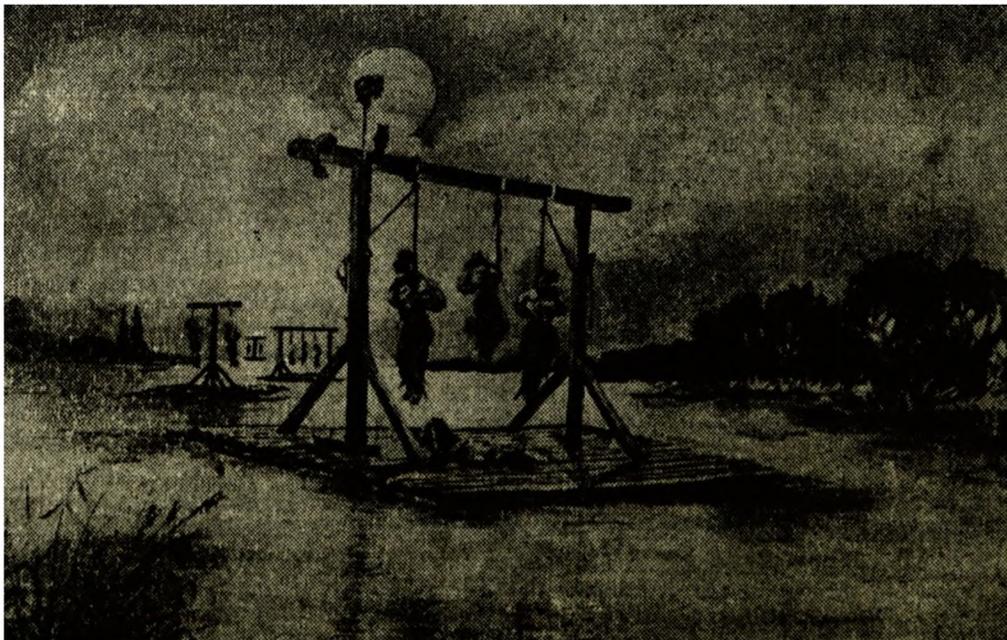
/2/ П. Шавельский "Чтение из русской истории" выпуск II.

Со смертью Булавина, поднятое им восстание фактически было подавлено карательными отрядами, и только на Волге отряды Голого и Игната Некрасова все еще действовали, имея временный успех. Наведя порядок в Черкасске, приведя казаков к присяге, теперь Долгорукий решил идти назад на север, чтобы "по расписанию" царя выполнить его жестокий указ. По пути он арестовал Зерщикова и под конвоем отправил его в Москву, где ему в "благодарность" за его дела в убийстве К. Булавина, на Красной площади, отрубили голову, и по приказу царя ее для сохранения положили в спирт. Вообще Петр I на такие дела был большой изобретатель, в свое время он приказал хранить в спирте для своих "дел", голову казненного им сподвижника Монса.

Долгорукий продвигаясь на север, предавал по пути все огню и мечу. Он жег "без остатка" городки, рубил головы казакам, колесовал их, сажал на острые колья, гибли казаки в страшных пытках и мучениях, гибли не только те, кто был у Булавина, но часто предавали казни лишь потому, что он был казак. При этом не давали пощады ни женщинам, ни грудным младенцам, не делая ни суда, ни разбора.

В городках стоящих по р. Дону, вешали казаков и виселицы установив на плотках, пускали вниз по течению для "устрашения" других. Плоты с повешенными по несколько человек на каждой виселице, днем и ночью под наблюдением солдат плыли вниз от городка к городку, вороны клевали глаза казненных, По набату церковному ходили казаки и стоя на коленях, пели молитвы по усопшим. Когда же плоты дошли до "переволоки"/Дон-Волга/, Игнатий Некрасов решил, что все кончено и забрав уцелевшие семьи, с своим отрядом пошел на Кубань.

"Усмирение" Дона, пишет Сватиков, носило демонстративно жестокий характер. Долгорукий с регулярными солдатами, калмыками, ходили по Дону, жгли городки, резали, вешали казаков, спускали плоты с повешенными по Дону. От 7 до 10 тысяч казаков было истреблено в порядке репрессий, не считая погибших в бою. Обозначенные в "рописи"



"Плоты Долгорукова с повешенными булавинцами".

Петра городки были сметены с лица земли"./1/

Русский историк Сватиков нарочито слово-"усмирение" берет в ковычки. Да и кого усмирять? Дон уже усмирён, Булавина уже в живых нет, восстановление им поднятое ликвидировано, его сообщники арестованы, казаки приведены к присяге и т.д., и Долгорукий сейчас никого не усмирят, а просто уничтожал мирное население, мстя за брата и выполняя жестокий приказ царя-садиста. Проще говоря, сейчас на Дону "повторялась московская старая" история. Так было раньше с Великим Новгородом в 1478 году, когда царь Иван III желая ликвидировать все вольности новгородцев, уже после того, когда Новгород был взят и новгородцы сложили оружие "поцеловав крест" на присягу царя, тогда началась, по советски говоря, производиться "чистка".

С такой же жестокостью уничтожены были рабовладельческой Москвой вольные города Псков/1509 г./ и Хлынов/Вятка/ в 1489 г. Эта обычная "история" московская повторилась и позже при окончательной ликвидации вольного Новгорода царем Иваном IV/Иваном-"Терибль"/ в 1552 г., когда он напал со своими опричниками на беззащитный Новгород. "...Неслыханные мучения и казни выпали тогда на долю Новгорода, а наипаче старцев монастырских. До 500 лиц духовного только чина были поставлены на правех и потом на смерть избиты палицами, а церковные обиходы царь передал опричникам на разграбление."/2/

Историк Буданов сообщает, что с такой же жестокостью московская рать Ивана IV расправилась и с татарским населением г. Казани/1552 г./, уже после взятия города, и ссылаясь на Никоновскую летопись пишет: "Лучшие люди казанские, их князья, мурзы и казаки все извелися/т.е. уничтожены/, а черные все люди до одного в холопство и дани učinились"./3/. Так было и дальше в истории Москвы.

Историк Трачевский/4/ подробно описывая что творили карательные отряды кн. Вяземского, Долгорукова и др. уже после ликвидации восстания Степана Разина, и после его казни, в нынешних только Воронежской и Курской губерниях, было тогда казнено около 100 тысяч человек в порядке "чистки", выражаясь советским языком. И эта "история" творилась и белой и ныне красной Москвой.

Все мы в юности читали весьма популярный исторический роман времен Ивана IV - "Князь Серебряный". В своем предисловии автор писал: "...из уважения к искусству и к нравственному чувству читателя", все ужасы того времени он "показал в отдалении". Но дальше автор признается, что "при чтении источников книга выпадала из рук и бросал перо в негодование, не столько от мысли, что мог существовать Иван IV, сколько от того, что могло существовать общество, которое смотрело на него без негодования. Подобно автору этого романа, я из уважения к чувству читателя и его спокойному чтению, также оставлю все ужасы "в отдалении" и не буду их описывать, тем более, что мы все пережили ужасы всех "бескровных" революций, потом ужасы гражданских войн, всякие "чистки", и мы знаем, что на казачьей земле творили "победители" в 1917-20 г.г. и позже при "коллективизации" и т.д. Поэтому не буду описывать, что творили солдаты Долгорукова в казачьих городках, как они пытались, рубили казакам головы, колесовали на дыбах, сажали на острие колья, как поручил это делать по "расписанию" Петр I, когда солдаты не

---

/1/ Сватиков "Россия и Дон", стр. 146; /2/ Н.Н. Яниш "Новгородская летопись и ее московские переделки", стр. 84; /3/ Буданов "Дон и Москва", ч. I, стр. 14; /4/ Проф. П. Трачевский "Российская история", ч. II, изд. 1895 г.

щадил ни женщин, ни детей, вырезывая у беременных казачек младенцев и развешивая их по деревьям, не щадил и старых и больных. Здесь я приведу только несколько фактов.

В Панинском городке, при приближении Долгорукова, казаки разбежались, прячась в высоких камышах и лесах; тогда были повешены и посажены на колья все старики, остался один больной дряхлый на кровати, умирающий старик, вытащили и его, но не казнили... "сам сейчас вздохнет", со смехом говорили солдаты, "не трогать его". Посмотрел старик как все его станичники висят на виселицах, на острых кольях... "Аль меня за казака не считаете, всех казнили, казните и заодно меня, я тоже казак". Корчась в предсмертных муках, беззубый старик сидя на колу, выкрикивал проклятия своим палачам. Из городка Панина с той поры сохранились старинные пословицы: "Вольному казаку смерть на колу", "Не тот казак, что жив остался, а тот кто за волю казачью на веревке болтался".

В Наговском городе также повесили всех стариков, не пощадив 98-летнего деда Кудина и калёку казака Михаила Турка, прибывшего недавно из турецкого плена, где он пробыл 20 лет, не бывший до того у Булави-на.

Долгорукий для большего устрашения казаков, в городках лежащих по р. Дон, приказал делать плоты и на них устанавливать виселицы. Эти плоты с повешенными казаками были спущены вниз по Дону по течению. Плоты с повешенными казаками медленно подходили к городку Качалинскому; по звону колокола все вышли на берег. На одном плоту с длинными, как у женщины, седыми волосами качался в черной рясе труп... "Глядите, это батюшка отец Игнатий из Иловлинского городка." Повесили и бывшего на покое священника, никому не причинившего зла, уже дряхлого старца.

Долгорукий продвигался на север, в верховые городки, а позади его оставались: слезы, плач, стон и сплошное людское горе. Дымилась пепелища от былых городков. Казачьи курени в большинстве тогда строились с крышами из камыша, и при ветре они горели быстро. В память долгоруковских пожаров остался до наших дней хутор "Проносный". Когда солдаты Долгорукова подожгли его, то ветер "пронесся" огнем по крышам и миг городка не стало. В память этого позже построенный на этом месте хутор и назван "Проносный". Все означенные по "росписи" Петра городки, Долгоруковым снесены пожаром с лица земли и таких городков было снесено, как пишет историк Сватиков - "Цц городка", стр. 20/. Далее Сватиков пишет: И вольных граждан Донской республики, которые хотя бы участием в многолетних войнах царю приобрели себе право личной свободы, Долгорукий бил, гнал и разорял без пощады"/I/. Но не только о прошлых войнах царь забыл главное, что в тоже самое время, когда Долгорукий по указу его громил Дон, большая половина служилых казаков тогда находилась на севере на разных фронтах войны со шведами; благодаря чему спаслись они тогда от казней Долгорукова. Эти казаки, бывшие на фронте тогда и не зная, что творится на родимом Дону, одержали царю первую для него победу над шведами. В то самое время когда Долгорукий зверствовал на Дону, Походное войско Донское под командой молодого, но искусного полководца Даниила Ефремова, зайдя глубоко в тыл шведской армии, напало на главный резерв короля Карла XII



## НА ДОНУ ПОСЛЕ СМЕРТИ БУЛАВИНА.

После трагической смерти атамана К.А.Булавина/11 июля 1708 года ст.ст./восстание поднятое им не прекратилось, а продолжалось с неменьшей силой разгораться в разных местах Донской Земли, ибо несмотря на измену нескольких старшин и "доброхотов" Москвы, оно носило характер всенародного движения за древнюю Волю и Долю казачью.

Поэтому то по указу Петра I на Дон снова были двинуты карательные отряды. С севера шел Бахметьев, по Донцу полк. Шилов, с востока от Волги двигался кн. Хованский, из низовья Дона на север поднимался В. Долгорукий, сжигая по пути городки и уничтожая казачье население.

20 июля, т.е. через девять дней после смерти атамана Булавина, царскими войсками после боя был взят, занятый до того казаками, г. Царицын. Астраханский воевода Апраксин приказал "пушки заводчиков" прислать ему в Астрахань, а остальных казаков повесить. Почти одновременно Шилов снова захватил г. Бахмут, предав его огню, а жителей уничтожил.

Кн. Хованский имел два регулярных полка Саратовский и Астраханский, и около 10 тысяч калмыков, и атаковал Паншин городок, где находился казачий отряд только из 4 тысяч. Несмотря на свою малочисленность казаки бились отчаянно. Хованский после этого боя доносил царю: "Баталия была с казаками великая. Я не помню, чтобы казаки так крепко стояли." Русский историк Соловьев сообщая об этом бое, в заключение торжественно добавляет: "Женщины и дети достались победителям."

Те из нас, кто помнит, что творили "победители" красноармейцы над мирным казачьим населением в 1917-1920 г.г., те могут себе представить, что творили солдаты Хованского тогда, после столь жестокого сопротивления казаков в бою у Паншина.

Потерпел тогда же большое поражение у г. Есауловского и отряд Акима Голого, у которого было всего 7500 человек. В. Долгорукий имея численное превосходство, разбил казаков Голого. В своих "Военных записях" Долгорукий писал: "...рубил мы казаков без милосердия. Ушел только Голый, да с ним два человека в лодках. Остальные были перебиты и потоплены в Дону".

Частично происходили и другие упорные бои небольших казачьих отрядов, но они жестоко подавлялись численным превосходством карательных отрядов.

Атаман Есауловского городка Игнат Будан, по прозвищу "Некраса", отсюда - Некрасов, еще при жизни атамана Булавина был назначен руководителем обороны района от Есауловского городка и городков вверх по Дону. Игнат Некрасов приказал Акиму Голому подготовить к обороне Есауловский городок, а сам пошел на север. Но Долгорукий напал на г. Есауловский, разгромил его и схватил до тла, и приказал некоторых казаков "для устрашения воров" повесить на виселицах, установленных вокруг городка.

И. Некрасов узнав о гибели отряда Голого, приказал городкам своего района забирать все, что только возможно и переходить с своими семьями на левый берег Дона, в юрты Верхне-Курмоярского и Нагавского городков. Но это его распоряжение успели выполнить только городки: Есауловский, Зимовейский, Кобылянский, Верхне и Нижне Чирские и Пятиизбянский.

Послав часть своей конницы под командой братьев Винниковых в набег в направлении г. Камышина, сам Некрасов с остальным отрядом перейдя на левый берег Дона, стал своим станом.

Узнав о гибели отряда и увидев плоты, плывущие сверху Дона с доверженными, а также узнав о разгроме других булавинских отрядов, решил, что все окончено, и забрав свой отряд и семьи шести городков, двинулся на Кубань.

По некоторым русским документам о нем ушло на Кубань от 2 до 4 тысяч, по донским же сведениям у него было гораздо больше.

С уходом Некрасова на Кубань, фактически прекратилась борьба Донских казаков против Долгорукова и других карательных отрядов. И после того началась безжалостная расправа с донским населением. Казаки с семьями разбегались по лесам, островам, камышам, но их вылавливали, расстреливали и предавали жестоким казням.

Ген. Т. Стариков считает, что Дон тогда потерял более 26 тысяч казаков.

После уничтожения 44 городков и массового истребления казачьего населения Долгоруким и др. карательными отрядами, и после казни в Москве Зерщикова, царь теперь решил укреплять свои новые порядки на Дону, чтобы "их вольности убавить". Для этого, как говорит Сватиков, нужен был ему атаманом "добрый человек", т.е. сторонник Москвы. Такого он нашел в лице послушного, мирного и ничем не приметного казака из Черкаска Петра Емельяновича Рамазанова/в русс. истории-Емельянова/. Царь приказал казакам выбрать его без смены, до смерти. Этим царь ликвидировал прежнее значение Войскового Круга, который выбирал атамана и старшин. Теперь все дела на Дону должны были проводить назначенный царем атаман и послушная царю старшина.

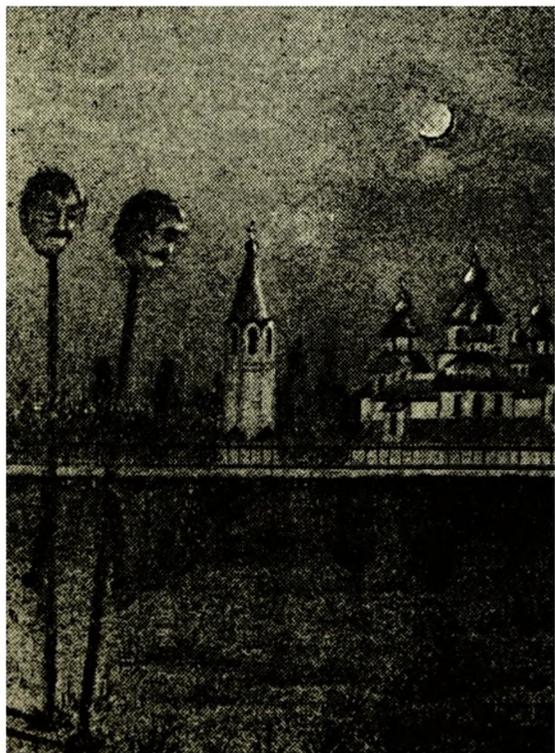
19 апреля 1709 года Петр I и сам прибыл в Черкасск, чтобы посмотреть в какой мере приведен в порядок "крамольный" в дни Булавина Дон. С собой он привез специально хранившуюся для этого в Москве, голову Ильи Зерщикова, а из Азова велел доставить в Черкасск голову Булавина

и выкопать из могилы труп его. /Петр I был весьма способный на подобные выдумки-издевательства/.

В присутствии царя на майдане были казнены привезенные также из Азова, революционной эпохи Войсковые есаулы Т. Соколов и С. Ананьин, "... и вместе с ними третий раз произвели казнь над полусгнившим трупом К. Булавина"/I/.

Любитель казней и пыток Петр I, теперь был только довольным наблюдателем своей выдумки. В довершение этого он придумал и еще одно; он приказал на майдане установить пики и на них воткнуть головы бывших атаманов: К. Булавина и И. Зерщикова. После этого, как ни в чем не

бывало: "Петр I вдосталь налюбовавшись на засушенные головы К. А. Булавина и И. Г. Зерщикова, воткнутые на шести, из Черкаска отправился в Изюмский полк, принимавший участие в подавлении движения К. А. Булавина, где Петр I провел целые сутки, "много веселья"/2/...



Головы атаманов К. Булавина и И. Зерщикова на Черкасском майдане.

Можно себе представить, как он "веселился". Ключевский вспоминает об одном весельи его: "Петр при заключении Нисштадского мира праздновал семь дней, забывая свои годы и недуги, он пел песни, плясал по столам" /3/.

Об этой проделке Петра I историк Сватиков пишет так: Высоко символический характер имела сцена, происшедшая 19 апреля 1709 г. в Черкасске, на месте собрания Круга /"Войсковом майдане"/. Только что лично прибывший туда Петр I приказал взоткнуть на колья головы обоих атаманов революционной эпохи: Булавина и Зерщикова. Грозный царь, окруженный "знатною и разумною старшиною", пришел на майдан полюбоваться на поверженное в прах-донское народоправство" /4/.

В другом месте мы читаем: "Эта церемония была символична и поучительна: на кольях воткнуты были головы Донских атаманов. Одни из них хотели освободить Дон из под власти царя, а другой служил как раз тому царю, но был мало надежен".

Неудовлетворенный этим Петр I решил заняться еще, говоря современным языком "репатриацией". Через азовского губернатора Толстова, он вошел в переговоры с Турецким султаном, требуя от него возврата ушедших с Дона на Кубань казаков с Игнатом Некрасовым. Но султан ответил царю отказом, и не выдал казаков. Видимо казаки эмигранты-некрасовцы также сильно волновали тогда Петра I, как и теперь московских владык, и он с этим вопросом обращался к султану в 1711 году, ставив ему в вину, что он имеет намерение продолжать войну через бунтовщиков-казаков булавинцев и мазепинцев. Продолжал требовать выдачи ему казаков и после Прутского поражения.

Уезжая из Черкаска, царь сделал распоряжение впредь не делать каюков и стругов и не выходить в море, чем лишил казаков добывать себе "зипуны", т.е. все необходимое для жизни.

Недовольствуясь тем, что вольности на Дону ликвидированы, Петр I решил теперь урезать и территорию Донской земли. "Помимо последствие для политического строя Дона, Войско Донское лишилось одного миллиона десятин земли. Верховья реки Хопра были отрезаны царем к Воронежской губернии. По р. Айдар, по верховьям р. р. Донца, Лугани, Деркула, по Иловле, по Калитве были уничтожены 44 казачьих городка. Земли по р. Айдар отошли к Острогоршским казакам, земли по р. Донцу с Бахмутскими солеварнями к Бахмутской провинции".

"После ликвидации восстания Булавина, по указу Петра I, было отрезано 1/3 донской земли, которая вместе с казачьим населением попала: 10 городков в Курскую губернию, 6 в Воронежскую и 6 в Екатеринославскую." /7/

Подсчитывая потери Дона при расправе Долгорукого, Сватиков сообщает: "От 7 до 10 тысяч казаков было истреблено в порядке репрессий Долгорукова, не считая погибших в бою казаков". По донской истории из 30 тысяч армии Булавина в боях погибло около 17 тысяч. Только благодаря тому, что больше, чем 1/2 служилого войска с старшиной Д. Ефремовым была на фронтах войны со Швецией, поэтому Дон не потерпел от Долгорукова полнейшего истребления казачьего населения.

/1/ Петров-Бирюк "Петр I", стр. 316, /2/ Буданов "Казачий Исторический Сборник" №1, стр. 13, /3/ Ключевский "Курс русской истории" том IV, стр. 48 /4/ Сватиков "Россия и Дон", стр. 20, /5/ Т. Стариков "Булавинское восстание" /Журнал "Вольное Казачество" №17-20/, /6/ Сватиков "Россия и Дон", стр. 147, /7/ "Историческая летопись Курского дворянства" стр. 136

Опустол Дон... Темными руинами чернели остатки куреней в спаленных городках. Долго еще в глухих местах, в камышах и оврагах, в степи лежали трупы убитых, не убранные... без могил.

Замолк некогда шумный майдан. О славных походах на море и вольной жизни остались лишь воспоминания. Можно себе только представить с каким тяжелым чувством вернулись казаки Походного войска с Д.Ефремовым-победители шведов у д.Лесной, на родимый Дон, не увидев своих родных, ни своих куреней, ни полных довольством казачьих городков. И осталось от тех печальных времен тягучая, заунывная песня донская:

"Приуныл и притих кормилец ты наш  
Славный Тихий Дон,  
Залегли пути-дороги на Синее море-казацкое  
и т.д.

Характеризуя то время, знаток казачьей старины С.А.Федоров пишет: Под знаком отрубленных голов, обезглавленных Донских атаманов и потекла дальнейшая история Донского казачества. Атаманы уже не выражали воли казачьего народа, не имели и своей воли. Они обязывались действовать только по указке Москвы"/8/.

Не без известной доли самодовольства пишет об этом русский историк Платонов: "И с тех пор, всякая самостоятельность Донского казачества пала и правительство стало полным хозяином на Дону. Петр таким образом добился своего."/Учебник Русской истории", стр.220/.

## ДВА АТАМАНСКИХ ВЫСТРЕЛА.

На рубеже двух политических эпох Донской истории, раздалось два исторических выстрела, как бы символизирующих собой переломы в государственной истории донского казачьего народа.

Эти два атаманских исторических выстрела раздались: один в древней столице Дона, в Черкасске в 1708 г., когда атаман К.А. Булавин, в родительском курене, выстрелом в висок из пистолета, покончил сам расчеты с своей жизнью. И второй в новой столице в Новочеркасске, через 210 лет, когда в 1918 г. атаман А.М. Каледин, в Атаманском дворце, из револьвера выстрелом в сердце, покончил с собой.

Первый выстрел Булавина, как бы символизировал потерю многовековой казачьей воли и государственной независимости. Второй — Каледина, как начало новой эры восстановления так сказать политического ренессанса донского казачества.

К.А. Булавин восстал на защиту поправных прав "древних обыкновений" — Войскового права, и на защиту донского народа от произвола, чинимого над мирным населением со стороны начальников и солдат, карательных отрядов посланных на Дон царем Петром I.

Когда Булавин увидел что в дальнейшем он не в силах бороться, и не желая позорно сложить свою атаманскую голову на московской плахе — пустил свинцовую пулю из пистолета в висок, и тем покончив с собой.

...Через 210 лет история повторилась. В 1917 году выборный атаман Каледин совместно с Войсковым Кругом и донским правительством, начали восстанавливать "древние обыкновения", постепенно уничтоженные за последние два века русской центральной властью. Мало того, атаман Каледин, воспитанный в русском духе, как и все его возраста, старые казаки-интеллигенты, в годину тяжких испытаний повисших над Россией, на Государственном московском совещании, предложил временному правительству и представителям народов России свои рецепты для спасения России.

Истерики "главоверх" Керенский и его незадачливые сотрудники, видя столь огромную популярность на Дону Каледина и то, что Дон восстанавливает свою государственность, объявил атамана Каледина "изменником" революции, как и патриота России, казака ген. Корнилова "изменником" революционного народа. Керенский приказал арестовать атамана и представить его ему на "революционный" суд, а быть может просто "самосуд", на что Войсковой Круг по старинному ответил ему: "С Дона выдачи нет!". Тогда военный министр полк. Верховский отдал приказ о мобилизации против "мятежного" Дона двух военных округов.

Но этот сумасбродный план двух фигляров революции: Керенского — Верховского не был осуществлен. Через некоторое время, как говорится в сказке "по шучьему велению", пришел неожиданно к власти над Россией "Ильич". Керенский до того "громовержец", позорно бежал в бабьей юбке, а другой "властитель" судеб России — Верховский вскоре перешел в услужение к "Ильичу". Так неожиданно тогда был предотвращен разгром "мятежного" Дона. Но то, что не успела сделать над Доном белая "революционная" Россия, в лице "главоверхов" Керенского — Верховского, то позже dokonчила начатое ими дело красная Россия "Ильича", который послал для "чистки" Дона свои красногвардейские отряды. И как при Булавине, вначале домовитые казаки не пошли за ним, так теперь прибывшие с фронта, некоторая часть казаков — "фронтвиков", не пошла за Калединым, заболев позорным "нейтралитетом".

И как Булавин, так и Каледин, видя что он не в силах бороться за Дон, выстрелом в сердце покончил с собой. Но выстрел его позже, через месяц, пробудил спавшую до того, в дурмане "нейтралитета" казачью совесть и Дон стихийно поднялся на защиту своих прав и родительских куреней "снизу доверху и сверху донизу".

В 250-летнюю годовщину начала восстания Булавина и почти в 40-летнюю годовщину трагической смерти Каледина, я хотел бы высказать здесь некоторые свои предположения.

Что могло бы произойти тогда, если бы в действительности, современному наших дней Долгорукову-Верховскому, удалось бы осуществить свой сумасбродный план, и он бы послал миллионную рать солдат против "мятежного" Дона и "изменника" Каледина? Не трудно себе представить, что бы творили на беззащитном Дону разнузданные русские солдаты "1917 года", пропитанные "революционной", "сознательной" дисциплиной Керенского? Все способные носить оружие донские казаки были тогда на разных фронтах Великой войны, составив 53 конных полка, 22 батареи, 2 пеших бригады и 30 отдельных сотен/и это можно сказать только от одной небольшой русской губернии/. Чтобы стали делать казаки этой, почти 100-тысячной армии на фронте, узнав, что у них в тылу, на родимом Дону, происходит полный разгром?

Не случилось бы тогда то, что произошло в 1919 году, когда диктатор Деникин громил в Екатеринодаре Кубанскую Раду, то кубанские полки бросали фронт под Царицыном и шли на Кубань защищать свою власть. Но при Каледине произошло бы большее. Когда Совет союза казачьих войск, как верховная казачья власть в Петрограде от всех 12 войск, а также и казачья власть на местах по войскам узнали о приказе Верховского, то негодованию среди казаков не было предела. Все войска решили оказать посильную воинскую помощь старшему брату-Дону, даже такое маленькое войско, как Амурское и Енисейское, и те решили оказать свою помощь Каледину.

Что бы тогда произошло? Произшел бы грандиозный "казачий бунт" против главы государства Керенского, которого кстати, едва ли кто из порядочных русских людей тогда уважал, как правителя России. Нет сомнения, что в порядке самозащиты, против солдат Верховского, по станицам казаки взяли бы за оружие, защищая свои курени и появились бы Чернецовы, Семелетовы, Назаровы... на защиту Дона. Нет сомнения, что как Долгорукий с своими карательными отрядами победил Булавина, так и Верховский победил бы солдатской массой Каледина.

...А в будущем наши потомки читали бы в русской истории о "бунте" Каледина.

Мы не будем здесь рассматривать восстание Булавина глазами тех казаков, которые путем двухвековой, планомерной правительственной руссификации к 1916 году, будучи по природе казачками, на самом деле перестали быть таковыми по своей психологии, а стали просто "русскими людьми". И только "чуб", да "лампасы" этих казаков внешне отличали их от солдата. Воспитанные столетием по казенным учебникам русской истории царского режима, они верноподданическим чувством "служилого" народа царям, по казенному смотрели на восстание Булавина, как на "бунт против царя" "преобразователя".

На восстание Булавина надо смотреть не глазами "русских" казаков 1916 года, а глазами современных Булавину казаков, которые при-  
нуждены были взяться за оружие на защиту многовековой своей не-  
зависимости, за "древние обыкновения", за веру своих отцов, и на-  
конец на защиту безоружного казачьего населения, против произвола и  
насилия, которые творили Долгорукие, Шилковы и другие начальники  
карательных отрядов, посланных на Дон Петром I.

Текст слова "Воззвания" Булавина - это программа его, за что он стал  
тогда бороться. Булавин не сразу взялся за оружие. Он старался мир-  
ным путем отстоять обычаи своих предков, но Петр I всякий раз  
отклонял домогательства Булавина, и только произвол царских чинов-  
ников заставил его взяться за оружие в порядке самозащиты от про-  
извола.

Кроме этих причин восстания атамана Булавина, были и более глу-  
бокие и их было много, и накапливались они постепенно в течении  
XVI-XVII веков. Причины эти были, как следствие проводимой со сто-  
роны Москвы насильственной политики в отношении своих вольнолю-  
бивых соседей, которые стояли на пути экспансий и стремления  
Москвы к выходу к "теплым морям" и к расширению "естественных  
границ".

Чтобы не утруждать читателя всесторонним анализом всех этих  
причин, скажем здесь о них вкратце.

По этим причинам Москва с жестокостью расправлялась с Великим  
Новгородом, Псковом и Вяткой, уничтожив их вольности, их респу-  
бликанский строй, которые были всегда угрозой и могли служить  
"дурным" и "заразительным" примером для закабаленного в крепостное  
право московского люда. Территории же их дали выход Москве к бе-  
регам Балтийского моря.

По причинам "расширения границ", а также с целью уничтожения са-  
мостоятельности их, в 1552 году была разгромлена Казань, а в 1554  
году Астрахань и т.д.

В отношении вольнолюбивого Дона, экспансия Москвы началась еще  
при Борисе Годунове, что нам достаточно известно хотя бы по дон-  
ским материалам/1/.

В эпоху великой Смуты на Москве/1593-1613 г.г./по причинам  
полной разрухи в Московском царстве, экспансия была приостановле-  
на, что послужило к укреплению Доном его республиканского устрой-  
ства и принципов народоправства. Но со стороны отдельных лиц она  
не умирала, что свидетельствует грамота Прокопия Ляпунова, где в от-  
ношении казаков сказано: "Когда Бог даст Московское государство  
успокоится, тогда мы истребим этот злой народ"/2/. За это П. Ляпу-  
нов был казнен казаками на их Круге.

При первом царе из Дома Романовых, наступает некоторое затишье.  
Москва отменяет все ограничения, введенные в отношении "непокорного"  
Дона еще при Борисе Годунове, больше того, все сношения с Доном бы-  
ли переданы в Посольский приказ/т.е. министерство иностранных дел/  
что означало, что Москва признавала Донских казаков - "народом, а их  
территорию особым государством"/3/

Но позже, уже при Алексее Михайловиче, когда Московское царство  
достаточно окрепло после Смуты, а по "Уложению" 1648 года, оно стало  
еще больше рабско-крепостническим, давление на казаков снова начи-

---

/1/а/"Донские дела", т. I, стр. 159, /б/"Материалы по истории войска  
Донского", стр. 41, изд. 1864 г., /в/Сватиков "Россия и Дон", стр. 48-50,  
134, /2/"Собрание госуд. грамот" т. II, стр. 404, /3/Сватиков "Россия и  
Дон" стр. 63, 65.

настоя. Цель этой "холодной войны" — "прибрать казаков к рукам". Закончилась она печально для казаков. Дон принужден был впервые присягнуть царю в 1671 году.

Вся история казачьего народа, в частности Дона с 1593 года — это непрерывная борьба за свою независимость. С приходом на царский престол Петра I-го наступили роковые годы для Дона. Петр I сразу начал уничтожать вольности казачьи, а затем пошел открытой борьбой, что и вызвало появление Булавина.

Таким образом восстание атамана Булавина фактически было последним этапом более чем столетней борьбы Дона за свою независимость и свои "древние обыкновения", которая началась еще при Борисе Годунове.

Некоторые скажут, но не все же казаки вначале пошли за Булавиным? Были и атаманы Максимов и Илья Зершиков и "старшина". Верно, в родину таких исторических событий среди каждого народа есть свои "Зершиковы", как сейчас Гомулко в Польше и Кадар в Венгрии. Но они не отражают чаяния всего своего народа.

И у нас донцов в 1917 году наряду с Чернецовым, Семелетовым, Назаровым и др. патриотами-партизанами, были и современные "зершиковы": Подтелковы, Голубовы, Машлыкины и др., которых сами же потом восставшие в 1918 г. казаки и ликвидировали их, подобно тому, как Войсковой Круг при Булавине казнил Максимова, Е. Петрова и др. "доброхотов" Москвы.

Булавин это неизбежное явление в истории донского казачьего народа, как борца за многовековую историю своего прошлого. Булавин — подлинное отражение психологии той эпохи.

Булавин — протест казачьего народа против тех новшеств царя Петра I, которые не отвечали духу и обычаям казачьей старины.

И если бы не появился тогда Булавин, то историю вольнолюбивого казачьего народа пришлось бы расценивать дешевой ценой, ибо донские казаки уподобились бы московскому народу, принявшему все "голландско-немецкие" новшества без всякой борьбы, без всякого сопротивления, поставивши в державном Санкт-Петербурге крест на 500-летней московской старине.

На Москве были всякие бунты: "холерный", "чумной", "соленой", "картофельный", "денежный" и др., но не было восстания за свою волю и свои человеческие права, ибо в истории Москвы не было Булавина, Ст. Разина, Пугачева.

Некоторые скептики скажут: Позвольте, но "бунт" Булавина обошелся казакам очень дорого. Да, дорого, но история народов, их судьба решается не ласковыми словами, а всегда кровью и железом.

После Булавина Дон потерял 1/3 территории, 1/3 населения, погибла масса невинных людей. Казалось бы, что жестокие казни: виселицы, острые колья, колеса, плоты и т.д. раз и навсегда убили у казаков весь его многовековой быт, обычай предков, стремление к воле и пр., и обезкровленное и обезличенное тогда казачество должно было бы погрузиться в небытие, уснуть "летаргическим" сном для своей политической жизни в будущем. Казалось бы для свободного духа казаков наступила беспросветная эпоха, как "служилого" сословия. Но не так оказалось. Восстание Булавина навсегда осталось в казачьей душе только потому, что оно было, и эти воспоминания остались импульсом вольного казачьего народа. Тень Булавина незримо таилась в каждом казачьем курене... и этот дух воплотился в действительность, когда в 1917 г., в дни Каледина, и позже при Краснове казаки осознали свою былую независимость.

За что боролись Булави́н, за то казаки боролись и в годы своей освободительной борьбы в 1918-20 г.г., и дух "непокорного" Булави́на, а не Зершикова повел казаков и на страшную Лиенцевскую "Голгофу".

Заканчивая свой краткий очерк "Атаман К.А.Булави́н", я приведу здесь общие причины, по которым он потерпел тогда неудачу в своей борьбе, в освещении ген.Т.Старикова, из его статьи "Булави́нское восстание" /1/.

"Неуспех Булави́на обясняется по разному. Некоторые историки видят его почти исключительно в военных промахах Булави́на. На самом же деле причины неуспеха лежат гораздо глубже...

Борьба Булави́на была только одним из звеньев общей борьбы "юга" против "севера"-борьбы двух разных миров...

"Север" был об,единен, "юг" был разрознен.

Юг населялся различными народами, каждый из которых преследовал только свои собственные цели и не помогал своему "соседу". А иногда и вредил ему.

...Но, этого мало, Дон, например, делился в свою очередь на отпадчиков и приверженцев Москвы. Эти два течения боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть. Булави́н был разбит сначала атаманом Максимовым, а потом погиб от руки атамана Зершикова.

Москва была всегда по частям, каждого в отдельности, кто пытался освободиться от ее ига. А часто просто при помощи одного народа была другой народ, или при помощи одной группы казаков была другую группу тех же казаков...

На наших глазах, теперь, повторилась та же страшная история, тот же ужасающий опыт. Большевицкий Север разгромил Юг, пользуясь его разрозненностью, раз,единением и несогласиями.

Так что же, неужели правда, что история ничему не учит? Неужели Югу так и не суждено воскреснуть?

Неужели Кабачество, только потому, что в его среде есть различные течения, а его различные вожди преследуют разные цели, может покончить свое существование?

Ведь оно стоит на краю гибели...

Это надо понять всем. Об этом надо крепко подумать всем нам. И подумать немедленно, чтобы не опоздать навсегда..."

/Журнал "ВК", №№ 17-18, 1923 года/.

СПИСОК ДОНСКИХ ГОРОДКОВ  
И  
ЮРТОВ УНИЧТОЖЕННЫХ ПО УКАЗУ ПЕТРА I-го.

ПО ДОНУ: 1/Бабей  
2/Траилин  
3/Нижний Михайлов  
4/Нижние Каргалы  
5/Быстрый  
6/Перелышный  
7/Голубые  
8/Паншин  
9/Новый  
10/Решетов  
11/Дмитриев  
12/Старый СИРОТИН  
13/Донецкой

26/Каширский  
27/Средне-Калитвянской на Белой  
Калитве  
28/Худояров  
29/Обливы на Деркуле  
30/Ново-Краснянский Юрт  
31/Осинов Юрт/Ревенек/на Айдаре  
32/Беленький на Айдаре  
33/Шульгин на Айдаре  
34/Старо-Боровский

ПО ДОН-  
У и  
прито-  
кам.

14/Бахмут  
15/Боровской  
16/Закотнов на Айдаре  
17/Воровской  
18/Новый Айдар на Айдаре  
19/Старый Айдар на Айдаре  
20/Теплынский  
21/Краснянский  
22/Святолуцкий  
23/Трех-Избянской  
24/Сухаревской  
25/Яблоновской

ПО БУЗУЛУКУ:

35/Лукьянов  
36/Карпов Юрт  
37/Мартынов  
38/Черный  
39/Березов

ПО МЕЛВЕЛИЦЕ:

40/Тетерев  
41/Заполянской  
42/Муравский

ПО ХОПРУ:

43/Остроухов  
44/Тежкин  
45/Беплемяновской  
46/Левикин  
47/Пристанской  
48/Кабаний-на Красной реке  
49/Красный Яр/Красноярской/

Примечание: Профессор С.Г.Сватиков в "Россия и Дон" указывает, что Долгоруким было уничтожено 44 городка, а выше мы привели названия 49 городков по сведениям И.Ф.Быкадорова/Исторический очерк "Казакия"/. Здесь не указаны городки по р.Иловле, следовательно всего их было уничтожено еще больше.

ОДНА ИЗ РЕДКИХ ДОНСКИХ ПЕСЕН  
ПОСВЯЩЕННЫХ ВОССТАНИЮ АТАМАНА К.БУЛАВИНА.

Ай, на Усть-матушки Соляных-то,  
Было, братцы, Озер, -  
Там обиралися, они съезжались,  
Они в круг Бахмутские, братцы, казаки.

Середа-то круга, среди казачьего  
Стоял золотой-то бунчук, там да стоял,  
А под тем бунчуком, под тем-то под золотым,  
Стоит раздвижная-то стулечка, да стоять,

А на том-то, да на том на отулечке  
Сидит наш Бахмутской атаман Кондрат Афанасьевичь,  
Ну он речь говорить, вот наш Атаманушка,  
Ровно во трубу-то трубить, во трубу трубить:

"Да вы, братцы мои, все мои товарищи,  
Во и вы, Бахмутские, да вы казаки!!!  
Слышно хвалитси, все похваляетси,  
Будто Долгорукий шельма, хуже басурманина:

Вот Бахмутской, славный городочек ваш, -  
Вот я его шапками-то его замечу,  
А ваш Тихий-то Дон, вот братцы казачушки,  
Я его насквозь-то пройду, я насквозь пройду,

А как матушка наша кременна Москва,  
Да хославши меня-я весь Дон разнесу.  
Ну, и братцы мои, вот братцы товарищи,  
Казаки верховые, вот вы, ну да Донокие, -

Да неужто ли с нас никто да не ступитси,  
За свою Отчеству, братцы, за родимую??!!!"

НЕКРАСОВЦЫ СОБИРАЮТСЯ НА КУБАНЬ-РЕКУ.  
/Историческая песня Донских Казаков-Некрасовцев/.

На заре-то было да на зорюшке,  
На заре-то было да на утренней,  
На восходе было светла месяца,  
На закате было красна солнушка...

Есаулушки круг закрикивали,  
"Ох, вы, Донские казаки съходитеся,  
Съходитеся, съезжайтеся,  
Ох, съезжайтеся во ядиный круг,  
Ох, во ядиный круг, на ядиный луг!!!"

Уж вы думайте думу крепкую,  
Думу крепкую ваядную.  
Ой да, ну и кто о вас был на Кубань-ряке?  
Ой да, вот и кто слышал про Кубань-ряку?  
Ой, как один говорить: "Я и не был там!"

Ой, а другой говорить: "От людей слышал!"  
Ой, ну, как третий то? "Я и сам там был:  
Ой я и сам там был-сам коня поил,  
Ой я видал там часты острова,  
Ой, пяски желтые-все Кубанские!.."

### ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ВРЕМЕН БУЛАВИНА.

Казак и перед царем шапки не гнет.	Казак добывает, а москали за- бирают/Бахмутские солеварни/.
Затупилося топор на казачьих шеех.	На Москве старая хлеб, соль за- бывается.
Не тот казак, что жив остался, а тот кто за волю на веревке бол- тался.	Москва слезам не верит и добра не помнит.
Вольному казаку-смерть на колу.	От Москвы может ли нам добро быть.
Москва казачьей славы не убавит.	От москаля хучь полы отрез, да тикай.
Слопали казака, а папаку не угры- зут.	Теперь нам от царя Петра тес- но становится.
С москалем дружи, а за пазухой камень держи.	А Дона нам без крови не поки- дать.
Где москали пройдут, слезы кро- вью потекут.	Что саблей вострой казак взял, того за дарма не отдал.
Москва всем нам вместо чедыг /сапог/лапти обуть хочет.	

Кроме пословиц на Дону осталась и другая память о Булавине до наших дней. Это его курень, в котором он застрелился.

"Крепость Булавина-массивный, двухэтажный дом с глубоким погребом, с железными дверьми, окруженный высокой каменной стеной с бойницами-и теперь стоит в центре станицы Старочеркасской и называется проезжающим, как исторический памятник. Показывается и пистоль", из которой застрелился Булавин".

Так пишет свидетельница сего, член Ростовского на Дону Педагогического института М.Полторацкая, посетившая Старочеркасск в 1937 г. /"Казак-Некрасовцы" М.Полторацкая, "Новое Русское Слово", 4 ноября 1954 года/.

"ГАЛИНА БУЛАВИНА".  
/Отрывок из поэмы  
казацкого поэта П.С.Полякова/.

Нет,  
Галину они не поймали!  
Нет, -  
им в руки-она не далась!  
Она вместе с отцом-Атаманом  
В Курене Войсковом заперлась.  
В шароварах. В чекмень темно-синий  
Затянувши высокую грудь,  
Шашкой острой себе проложила  
Меж низовых изменников путь...  
.....  
-Батя! Родный! Я-заперла двери!  
Завалила окно сундуком!  
Батя... милый... я стану у входа...  
С самопалом-турецким ружьем...  
.....  
Батя... батя... прости свою дочку...  
Не сердчай на меня сторяча...  
Каксь горько... я крепко любила  
Из Сумского полка москвича...  
В прошлом годе в Азове он ранен,  
Я ходила за ним-как могла-  
Травы к ранам его прикладала,  
Алексея от смерти спасла...  
Полубились мы крепко друг-другу  
И до гроба в любви поклялись...  
Стал он на ноги. Вскоре полненья  
В солеварнях твоих начались...  
Долгу ночьку я с ним говорила,  
Перейти к казакам позвала,  
Да неправды великая сила  
Алексея с собой увела.  
Приглашал он... сулил мне торомы...  
Терем-клетку, боярскую цель.  
Но в душе у меня победили  
Кровь казачья, свобода и степь!  
Войску я своему изменила  
Волю сердца свою продала...  
Я-врага казаков полюбила,  
Гнев Господен на нас навлекла!  
Боже, Боже... Ты праведен в небе...  
Дай же силы и твердости мне,  
Умереть за казачью правду  
На двадцатой девичьей весне!  
.....  
Замолчала... упала папаха...  
Расплелась, распустилась коса...  
На чекмень, по щеке, покатилаь,  
Серебром заблестевши, слеза.  
.....  
-Галя, дочка.. напрасные речи...  
Не карает Господь за любовь.  
Ты, отдав неприятелю сердце,  
За Казачество дашь свою кровь.  
Да, я вижу, ты сильно любила...  
Но за что-же я буду сердчать?  
Вместе ляжем в сырую могилу,  
Перед Богом пойдем отвечать.  
Я пред Господом тихо предстану  
И-тебя приведу... и без слов...  
Покажу наши страшные раны,  
Испрошу отпущенье грехов.  
Он-велик... И поняв наши боли,  
Прегрешенья, всеблагий простит.  
Всех творил Он для счастья и воли,  
Не для зла и войны и обид...  
В том грешны мы, пред Богом, Галина,  
Что любили родные Края,  
Что борясь за старую веру  
Умираем за други своя.  
Мы-начало великого дела...  
И я знаю-придут времена-  
Воскресению Дона послужат  
Наши, Галя, с тобой имена.  
Я спокоен... простися со мною...  
С Доном... степью... турецким ружьем...  
Не стреляй... было крови довольно...  
Не отбиться от сотен вдвоем!  
.....  
Вы прощайте, привольные степи...  
И старшины мои, казаки...  
Я за Дом Богородицы-Девы-  
Вел к сраженьям донские полки.  
Я за поле исконное наше,  
За Присуд я казачий повел...  
Брат за брата, отец же за сына,  
Друг за друга за мною пошел...  
Зло на нас, казаков, умышляют  
И в эллинскую веру зовут,  
И казнят без суда. Понапрасну  
Городки беззащитные жгут.  
Верен вам я, казенные други,  
С вами вместе и мне суждено  
Стать в борьбе супротив супостата,  
Умереть, не страшась, за одно!

Все покончено..Господи Боже...  
Занялся наш последний рассвет...  
.....  
Тускло блещет,к виску прислонен-  
ный

В атаманской руке пистолет.  
Выстрел...

Тихо.Без жалоб и стона  
Дух степного героя угас...  
И окрасился кровью горячей  
Шаровар темноальпий лампас...  
.....  
Батя!

Грянули дружно удары,  
Развалилися створки дверей,  
Обернулася вихрем-...  
Галля!?

Ты!?!...

Я!Никак ты не думал  
Здесь Галину свою повстречать!  
.....

Дон-Кормилец!Отец мой родимый!  
Ты ночами подолгу не спишь,  
Ты о чем до зари с камышами,  
Тихо шепчешь..про что говоришь?  
Про былые-ль дела и походы?  
Иль про храбрость убитых в бою,  
Или песни и сказки слагаешь.  
Про Галину-казачку твою?  
Пой,широкий...гулливой волною  
Уходя до глубоких морей.  
Пой о славе убитых героев  
Полбивших просторы степей.  
Ничего им не нужно,родимый,  
Им хотелось свободно вздохнуть,  
Им хотелось к травам пахучим  
С тихой лаской сыновней прильнуть..  
И они-сотворенные Богом-  
Веря в право свое на любовь,  
Отдавали казачьему делу  
Жизнь свою и горячую кровь...  
Пой,Родимый...и я подпеваю.  
Песню буду Свободе служить...  
Наши деды за Степь умирали,  
Мы сумеем бороться и-жить!

П.С.Поляков.



Смерть Галины Булавиной.

ОПЕЧАТКИ:

<u>Страница и строчка:</u>	<u>Напечатано:</u>	<u>Следует:</u>
Стр.3,стр.13 сверху	вспомина	вспоминалось
Стр.8,стр.8 снизу	буниах	бунтах
Стр.19,стр.13 снизу	обіть	обуть
Стр.24,стр.7 сверху	вьяснилось	вьяснилось
Стр.25,стр.13 снизу	Иваном	Ильей
Стр.26,стр.11 сверху	приложил, приложил	приложил
Стр.33,стр.2 сверху	продолжалось	продолжало
Стр.33,стр.16 снизу	жихни	жизни
Стр.35,стр.14 сверху	Одни	Один
Стр.37,стр.7 сверху	втрой	второй
Стр.41,стр.7 сверху	восстание /1/. Источник под /1/ не показан внизу	/1/ журнал "ВК" №17-20, 1928 г.
Стр.42, № 45	Беплемяновской	Безплемяновской

На "Схеме" не показано название самой большой реки, начинающейся на Донской территории под г. Воронежом и протекающей почти через всю территорию Донской Земли и впадающей в Азовское море.

Эту реку каждый казак, как и другие читатели не казаки сами знают, но мы ее еще и назовем - это река ДОН.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
Схема	
От автора	
Дон и Москва до Булавина	1
Московские "ежовые рукавицы" Петра I-го	7
Сполох Булавина	13
Борьба Булавина за Донской Присуд и древние казачьи "Обыкновения"	18
Московская "история" повторяется	27
На Дону после смерти Булавина	33
Два атаманских выстрела	37
Список Донских городков и юртов, уничтоженных по указу Петра I-го	42
Одна из редких донских песен, посвященных восстанию Атамана К. Булавина	43
Некрасовцы собираются на Кубань-реку	43
Пословицы и поговорки времен Булавина	44
" Галина Булавина "	45

ЦЕНА

I амер. или канад. доллар.

Книгу можно выписать от автора или редактора журнала "Казачья  
Жизнь":  
Mr. S. Boldyrew 660 E. 128 St., Cleveland 3, Ohio, U.S.A.  
Mr. T. Bihday 14 Bogdan St., Providence 5, R. I., U.S.A.